

看不见的星球

НОВЕЙШАЯ
КИТАЙСКАЯ ФАНТАСТИКА

НЕВИДИМЫЕ ПЛАНЕТЫ

Лю Цысинь

А также Чэнь Сюфань,
Хао Цзинфан и другие

Составитель - лауреат
премии «Хьюго» Кен Лю

fanzon

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Лю Цысинь

**Невидимые планеты. Новейшая
китайская фантастика**

«ЭКСМО»

2011–2015

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

Цысинь Л.

Невидимые планеты. Новейшая китайская фантастика /
Л. Цысинь — «Эксмо», 2011–2015 — (Fanzon. Sci-Fi Universe.
Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-162232-9

Финалист премии «Локус». «Невидимые планеты» — новаторская антология современной китайской фантастики под редакцией писателя Кена Лю.

Сборник включает «Заботу о Боге» Лю Цысиня, получившую премию «Хьюго», номинированный на премию Старджона «Складывающийся Пекин» Хао Цзинфан и другие произведения ведущих китайских фантастов. Впрочем, слабых текстов тут просто нет: одни рассказы получили награды, другие — признание серьезных критиков, некоторые были выбраны для антологий «лучшего за год», и все они являются личными фаворитами блестящего составителя Кена Лю. Также в книге приведены несколько эссе об истории китайской фантастики, биографии писателей и предисловие составителя. Каждый, кто интересуется зарубежной научной фантастикой, должен непременно добавить «Невидимые планеты» в свою коллекцию. Впервые на русском — легендарный сборник современной китайской научной фантастики, содержащий рассказы звезд жанра — Лю Цысиня, Чэнь Цюфаня, Кена Лю и других! «Видение небывалого размаха. Превосходная антология». — Publishers Weekly. «Вдумчивая и увлекательная художественная литература, которая открывает глаза западному читателю на научную фантастику чужой и богатой культуры. Мой любимый сборник рассказов года». — SFBook Review.

УДК 821.581-312.9

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-162232-9

© Цысинь Л., 2011–2015

© Эксмо, 2011–2015

Содержание

Китай мечтает. Вступление	7
Чэнь Цюфань	10
Год Крысы	11
Лицзянские рыбы	28
Цветок Шацзуй	39
Ся Цзя	50
Лето Тунтун	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Лю Цысинь, Чэнь Цюфань, Ся Цзя, Тан
Фэй, Чен Цзинбо, Хао Цзинфан, Ма Бойон**

Составитель Кен Лю

Невидимые планеты. Новейшая

китайская фантастика

Антология современной

китайской фантастики

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

Copyright © 2016 by Ken Liu

All rights reserved

“The Year of the Rat” by Chen Qiufan © 2013 by Chen Qiufan and Ken Liu

“The Fish of Lijiang” by Chen Qiufan © 2011 by Chen Qiufan and Ken Liu

“The Flower of Shazui” by Chen Qiufan © 2012 by Chen Qiufan and Ken Liu

“Tongtong’s Summer” by Xia Jia © 2014 by Xia Jia and Ken Liu

“Night Journey of the Dragon- Horse” by Xia Jia © 2015 by Xia Jia and Ken Liu

“The City of Silence” by Ma Boyong © 2011 by Ma Boyong and Ken Liu

“Invisible Planets” by Hao Jingfang © 2013 by Hao Jingfang and Ken Liu

“Folding Beijing” by Hao Jingfang © 2015 by Hao Jingfang and Ken Liu

“Call Girl” by Tang Fei © 2013 by Tang Fei and Ken Liu

“Grave of the Fireflies” by Cheng Jingbo © 2014 by Cheng Jingbo and Ken Liu

“Taking Care of God” by Liu Cixin © 2012 by Liu Cixin and Ken Liu

“The Worst of All Possible Universes and the Best of All Possible Earths: Three-Body and Chinese Science Fiction” by Liu Cixin © 2014 by Liu Cixin and Ken Liu

“The Torn Generation: Chinese Science Fiction in a Culture in Transition” by Chen Qiufan © 2014 by Chen Qiufan and Ken Liu

“What Makes Chinese Science Fiction Chinese?” by Xia Jia © 2014 by Xia Jia and Ken Liu

* * *

Посвящается ТК

Китай мечтает. Вступление

В этой антологии собраны китайские фантастические рассказы, которые я перевел за несколько лет. Некоторые из них получили награды в Соединенных Штатах, другие попали в различные антологии «Лучшее за год», третьи были тепло встречены критиками и читателями, а четвертые – просто мои любимые.

Китайская научная фантастика – «живая» и разнообразная, но ее мало переводят, и поэтому читателям, которые не владеют китайским, сложно ее оценить. Надеюсь, что данная антология позволит англоязычному читателю познакомиться с китайской фантастикой.

Выражение «Китай мечтает» – переделанная фраза председателя КНР Си Цзиньпина¹ «Китайская мечта», лозунга, посвященного развитию Китая. Научная фантастика – это литература о мечтах, которая всегда говорит что-то и о мечтателе, и о том, кто интерпретирует мечты, и об аудитории.

Когда речь заходит о китайской фантастике, англоязычные читатели спрашивают: «Чем китайская фантастика отличается от той, которая написана на английском?»

Обычно я разочаровываю их – говорю, что этот вопрос расплывчатый... и на него нельзя ответить в двух словах. Любая классификация культуры в целом – особенно такой быстро изменяющейся, как китайская, – включает в себя все сложности и противоречия данной культуры. Попытка дать четкий ответ приводит только к расплывчатым обобщениям, почти не имеющим ценности, или подтверждает существующие стереотипы и предубеждения.

Прежде всего, я не считаю, что «научная фантастика, написанная на английском», – это полезная категория для сравнения (произведения, написанные в Сингапуре, Великобритании и США, сильно отличаются друг от друга, и даже внутри этих географических границ литература делится и по другим признакам). Поэтому я даже не знаю, с чем нужно сравнивать «китайскую фантастику».

Более того, представьте, что вы попросили сотню американских авторов охарактеризовать «американскую фантастику», – вы получите сотню разных ответов. То же самое верно для китайских писателей, критиков и для китайской фантастики в целом.

Даже в ограниченной подборке, включенной в данную антологию, вы найдете «научно-фантастический реализм» Чэнь Цюфаня, «фантастику-кашу» Ся Цзя, неприкрытые, саркастичные метафоры Ма Бойона, сюрреалистичные образы и логику метафор Тан Фэй, концентрированный, богатый язык Чен Цзинбо, социологические фантазии Хао Цзинфан и масштабную, хардкорную фантастику Лю Цысиня. Это должно навести на мысли о том, какую большую нишу занимает китайская фантастика. Когда сталкиваешься с таким разнообразием, гораздо интереснее изучать авторов по отдельности и оценивать их работы сами по себе, отбросив в сторону все ожидания.

В общем, я вот что хочу сказать: если кто-то называет четкие характеристики «китайской фантастики», то он либо: а) непрофессионал, который не знает, о чем говорит; б) действительно что-то знает, но сознательно игнорирует сложность данной темы и выдает свою точку зрения за факт.

Поэтому я сразу заявляю о том, что не считаю себя экспертом по китайской фантастике. Я знаю достаточно, чтобы понять, что знаю очень мало. Моих знаний достаточно, чтобы понять: я должен больше, гораздо больше, изучать ее. И я знаю достаточно, чтобы понимать – простых ответов тут нет².

¹ Все китайские имена в данной антологии приводятся в соответствии с китайской традицией – сначала фамилия, затем имя.

² На самом деле существует довольно активное сообщество ученых, изучающих китайскую фантастику, и входящие в

Китай переживает крупномасштабную социальную, культурную и технологическую трансформацию, в которой участвуют более миллиарда людей, относящихся к разным национальностям, классам и политическим течениям, и никто – даже те, кто находится в самом центре событий, – не может утверждать, что видит всю картину в целом. Если знания человека о Китае ограничены сообщениями западных СМИ или опытом туриста, или экспатрианта, то он «понимает Китай» не больше, чем человек, увидевший пушистое пятно через соломинку, знает, что такое леопард. Литература, опубликованная в Китае, отражает комплексные условия среды, в которой она создана.

В свете напряженных отношений Китая с Западом, западные читатели, столкнувшиеся с китайской фантастикой, естественно, смотрят на нее через призму надежд и фантазий Запада, связанных с китайской политикой. В таких условиях термин «подрывная деятельность» становится «костылем», помогающим интерпретировать тексты. Например, может возникнуть сильное искушение рассматривать «Молчаливый город» Ма Бойона как осуждение китайского аппарата цензуры, или считать «Год крысы» Чэнь Цюфаня только критикой китайской системы образования и рынка рабочей силы, и даже свести «Парад призраков» Ся Цзя к замаскированной метафоре, описывающей принудительное отчуждение собственности ради нужд страны.

Я призываю читателей не поддаваться этому искушению. Представлять, что китайских писателей волнуют те же политические проблемы, что и западных читателей, в лучшем случае высокомерно, а в худшем – опасно. Китайские писатели говорят о нашем мире, обо всем человечестве, а не только о Китае, и мне кажется, что гораздо полезнее рассматривать их работы именно с этой точки зрения.

Да, действительно, в Китае давно существует традиция выражать недовольство с помощью литературных метафор, однако критика существующего положения вещей – всего лишь одна из целей, которую преследуют авторы. Китайские писатели, как и все остальные, озабочены проблемами гуманизма, глобализации, технологического прогресса; их тревожит конфликт между традициями и современным стилем жизни; их беспокоят проблемы окружающей среды, истории, прав человека, свободы и справедливости; их волнуют семья и любовь, красота чувства, выраженного без слов, и восторг, связанный с открытиями; они размышляют о смысле жизни. Забывая обо всем этом и фокусируясь только на геополитике, мы оказываем их произведениям медвежью услугу.

Несмотря на разнообразие подходов, тем и стилей, авторы и произведения, собранные в этой антологии, являются лишь небольшим фрагментом современного ландшафта китайской фантастики. Хотя я пытался представить разные точки зрения, мне прекрасно известно, что моя выборка ограничена. Большинство авторов, собранных здесь (за исключением Лю Цысиня), принадлежат к молодому поколению «восходящих звезд», а не к поколению уже известных фигур – таких, как Лю Цысинь, Хань Сун или Ван Цзинькан. Большинство из них учились в элитных университетах Китая и выбрали крайне уважаемые профессии. Более того, я сосредоточил свое внимание в основном на авторах и произведениях, которые стали обладателями каких-либо наград, чем на популярных работах, опубликованных в Сети, и выбирал те работы, которые будут более доступными в переводах, – работы, для понимания которых не требуются познания о китайской культуре и истории. Подобная пристрастность необходима, однако не является идеальным методом решения проблемы, и поэтому читатель должен с осторожностью делать выводы о том, насколько «представительными» являются данные произведе-

него ученые – такие, как Минвэй Сон, Натаниэль Айзексон и другие, публикуют интересные и познавательные аналитические статьи, посвященные данному жанру. На конференциях, посвященных сравнительному литературоведению и Азии, часто проходят «круглые столы», на которых обсуждают китайскую фантастику. Однако у меня сложилось впечатление, что многие читатели фантастики, писатели и критики (или даже их большинство?) не знакомы с данными работами. А вот авторы научных статей обычно избегают ошибок, о которых я говорю, и проводят тщательный анализ произведений. Читателям, которых интересует обоснованная точка зрения, я рекомендую ознакомиться именно с научными статьями.

дения. Я искренне надеюсь на то, что каждое произведение из данного сборника, по крайней мере, позволит читателям лучше познакомиться с литературной традицией, отличающейся от той, к которой они привыкли.

Чтобы сделать коллекцию более законченной и дать более полный обзор китайской фантастики, я включил в сборник три эссе, написанных китайскими писателями и учеными. Эссе Лю Цысиня «Худшая из всех возможных вселенных и лучшая из всех возможных Земель» дает исторический обзор данного жанра в Китае и объясняет то, как Лю Цысиню удалось стать одним из самых известных китайских писателей-фантастов. «Расколотое поколение» Чэнь Цюфана представляет точку зрения молодого поколения авторов, которые пытаются свыкнуться с бурной трансформацией общества, происходящей у них на глазах. Наконец, третье эссе «Что делает китайскую фантастику китайской?» написано Ся Цзя, которая защитила диссертацию, посвященную китайской научной фантастике. Оно – стартовая точка для тех, кто хочет проанализировать данный жанр с научной точки зрения.

* * *

Известный переводчик Уильям Уивер сравнил перевод с выступлением артиста на сцене. Мне нравится эта метафора. Занимаясь переводами, я участвую в культурном и лингвистическом перформансе, пытаюсь воссоздать артефакт в новой среде. При этом я испытываю восхижительное ощущение и одновременно осознаю свою ничтожность.

Для меня огромная честь поработать с авторами, включенными в данную антологию. Во многих случаях то, что начиналось как профессиональное сотрудничество, превращалось в дружбу. Благодаря им я много узнал – и не только о переводах, но и о создании литературных произведений, и о жизни вне границ разных культур. Я благодарен этим авторам за то, что они доверили мне свои произведения.

Надеюсь, что результат вам понравится.

Кен Лю

Чэнь Цюфань

Писатель, сценарист и колумнист, подрабатывающий в отделе маркетинга компании «Байду», китайского интернет-гиганта. Чэнь Цюфань (он же Стэнли Чан) публиковал свои работы в таких изданиях, как *Science Fiction World*, *Esquire*, *Chutzpah!* и *ZUI Found*. Лю Цысинь, самый известный китайский писатель-фантаст, похвалил дебютный роман Чэня «Мусорный прибор», назвав его «лучшим НФ-произведением о ближайшем будущем». Чэнь получил большое число литературных наград, в том числе тайваньскую *Dragon Fantasy Award*, а также китайские награды «Иньхэ» («Галактика») и «Туманность» («Синъюнь»). Переводы его произведений на английский язык опубликованы в таких изданиях, как *Clarkesworld*, *Lightspeed*, *Interzone* и *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*. В 2012 году его произведение «Лицзянские рыбы» получило награду *Science Fiction and Fantasy Translation*, а «Год крысы» Лэрд Баррон выбрал для антологии *The Year's Best Weird Fiction: Volume One*.

Три произведения, которые вошли в данный сборник, – «Год Крысы», «Лицзянские рыбы» и «Цветок Шацзуй», демонстрируют уникальную эстетику Чэня, его стремление смешать глобальный посткиберпанк с традициями и историческим наследием Китая. Чэнь – циничный, исполненный надежды, игривый и нравоучительный – запечатлевает дух времени и культуру Китая, которая претерпевает период потрясений и трансформации. Чтобы узнать о том, как этот аспект китайской жизни отражен в фантастике, прочтите эссе Чэня «Расколотое поколение», которое приведено в конце данной книги.

Чэнь родился в г. Шаньютоу (провинция Гуандун) и закончил Пекинский университет, одно из элитных учебных заведений Китая. Чэнь говорит на диалекте Шаньютоу, а также на кантонском, китайском и английском. Он, литератор-виртуоз, написал несколько рассказов на классическом китайском – это приблизительно то же самое, как если бы современный англоязычный автор сочинил рассказ, используя язык Чосера. Чэнь также пишет на кантонском диалекте и на современном стандартном китайском. Лингвистические различия и языковое разнообразие, характерное для его родины, создают фон и служат мощным символом в его романе «Мусорный прибор³», который я перевожу на английский. Действие рассказа «Цветок Шацзуй» тоже происходит в мире «Мусорного прибора».

³ Роман вышел на русском языке в 2019 году.

Год Крысы

Снова темнеет. Мы уже два дня торчим в этой адской дыре, но не видели ни одной крысиной шерстинки.

Мои носки похожи на засаленные кухонные полотенца. Они так меня раздражают, что хочется кому-нибудь врезать. Живот сводит от голода, но я заставляю себя идти вперед. Мокрые листья, словно ладони, с силой бьют меня по лицу. Это больно.

Я хочу вынуть из рюкзака учебник биологии, вернуть его Стручку и сказать: «В этой дурацкой книге восемьсот семьдесят две страницы». Еще я хочу отдать Стручку его очки, хотя они не тяжелые, совсем не тяжелые.

Стручок погиб.

Инструктор по физподготовке сказал, что страховая компания заплатит его родителям. Сколько именно, он не сказал.

Родители Стручка наверняка будут рады получить то, что напомнит им о нем. Поэтому я достал из его кармана очки, а из его водонепроницаемого рюкзака – эту проклятую книгу. Может, благодаря этим вещам родители Стручка не забудут, что их сын – в отличие от всех нас – был хорошим учеником.

Настоящее имя Стручка – Мэн Сянь. Но мы звали его «Стручок», потому что, во-первых, он был маленьким и тощим, как гороховый стручок, и, во-вторых, он всегда шутил, что его предок – монах, экспериментировавший с горохом, Грегор «Мэн-Дэ-Эр» Мендель.

Говорят, произошло следующее: когда взвод шел по вершине заброшенной плотины, Стручок заметил, что на ее краю из трещины в бетоне пробилось редкое растение. Чтобы сорвать его, Стручок вышел из строя.

Может, его подвело плохое зрение, а может, тяжелая книга вывела его из равновесия. В любом случае все увидели, как Стручок – реально похожий на зеленый стручок – катится, подскакивая по изогнутому склону плотины. Он пролетел сотню метров, а то и больше, а затем резко остановился, напорвшись на торчавшую из воды ветку.

Инструктор поручил нам забрать тело и положить его в мешок для трупа. Он еще подвигал губами, а затем перестал – собирался что-то сказать, но сдержался. Если честно, то мне даже захотелось услышать от него эти слова, которые мы так часто слышали:

Вы, студенты, – идиоты. Даже выжить не можете.

Он прав.

Кто-то хлопает меня по плечу. Черная Пушка. Он, словно извиняясь, улыбается мне:

– Пора поесть.

Удивительно, как дружелюбно ко мне настроен Черная Пушка. Возможно, дело в том, что он шел рядом со Стручком, и теперь жалеет, что не успел его схватить.

Я сажусь рядом с костром, чтобы высушить носки. У риса отвратительный вкус, а пахнет он сырыми носками, которые поджариваются у огня.

Черт. Я в самом деле плачу.

* * *

Со Стручком я познакомился в конце прошлого года – в университете, на собрании, посвященном мобилизации. В аудитории повесили ярко-красное полотнище с лозунгом: «Любить страну и поддерживать армию – дело чести. Слава тем, кто защищает людей и убивает крыс». Руководители университета, один за другим, выходили на трибуну и произносили речи.

По воле случая наши со Стручком места оказались рядом. У меня, студента, изучавшего китайскую литературу, не было ничего общего с ним, аспирантом-биологом, если не считать

того, что мы оба не нашли работу после получения диплома. Наши личные дела остались в университете, и нам самим пришлось задержаться там еще на год, а может, и дольше.

Лично я намеренно завалил экзамен по классическому китайскому, чтобы получить возможность остаться в университете. Я с отвращением думал о том, что мне придется искать работу, снимать квартиру, приходить на службу к девяти утра, мечтать о том, как в пять вечера я оттуда уйду, вникать в офисные интриги и так далее. В универе было гораздо приятнее: тут я мог бесплатно скачивать музыку и фильмы и наесться до отвала в местной столовой всего за десять юаней. Каждый день я просыпался после полудня и шел играть в баскетбол. Кроме того, тут было полно красивых девушек – хотя, конечно, я мог только смотреть на них, но не трогать.

Если честно, то у меня даже не было выбора – все решала ситуация на рынке вакансий и отсутствие у меня ценных навыков, которые нужны работодателям. Но признаваться в этом родителям я не собирался.

У Стручка была другая проблема: из-за торговой войны с Западным альянсом ему не выдали визу, а на родине студент-биолог никаких перспектив не имел – особенно такой, который больше любит читать, чем куда-то пробиваться.

Мне совсем не хотелось вступать в Группу по борьбе с грызунами. Слушая выступления пропагандистов, я вполголоса пробурчал:

– Почему они не поручат это армии?

Стручок повернулся ко мне и начал меня поучать:

– Неужели ты не знаешь, что сейчас очень напряженная ситуация на границе? Задача армии – защищать страну от иностранных агрессоров, а не воевать с крысами.

Он псих, что ли? Какой нормальный человек так говорит? Я решил его немного потроллить.

– Ну, пусть отправят местных крестьян.

– Разве ты не знаешь, что наши запасы зерна на исходе? Крестьяне должны обеспечивать страну продовольствием, а не воевать с крысами.

– Так, может, применить крысиный яд? Это дешевый и быстрый способ.

– Но ведь нам противостоят не обычные крысы, а неокрысы. Обычные яды на них не действуют.

– Тогда сделайте генетическое оружие, которое истребит за несколько поколений всех крыс.

– Разве ты не знаешь, что генетическое оружие невероятно дорогое? Оно должно служить фактором сдерживания враждебных иностранных государств, а не уничтожать крыс.

Я вздохнул. Этот парень, словно телефонное голосовое меню, обладал ограниченным запасом фраз, которые он постоянно использовал. Троллить его было совсем не интересно.

– Значит, воевать с крысами должны выпускники университетов? – спросил я с улыбкой.

Стручок задохнулся и даже побагровел. Пару минут он не мог выдать из себя ни слова, а затем снова начал сыпать банальными фразами – например, «судьба страны зависит от каждого гражданина». Но в конце концов он назвал и вескую причину: «Бойцы Группы по борьбе с грызунами получают питание и жилье, а после увольнения в запас им гарантированы рабочие места».

* * *

Наш взвод вернулся в город за припасами.

Чтобы бороться с дезертирством, командование распределяет студентов в отряды, которые действуют как можно дальше от их родных мест. Мы все говорим на разных диалектах, и поэтому каждый ломает мозг и язык, чтобы общаться с товарищами на стандартном современном китайском.

Я захожу на почту, чтобы отправить книгу и очки Стручка его родителям. Я пытаюсь написать им пару теплых слов, но ничего не могу придумать, так что в конце концов вывожу на листе бумаги лишь одну фразу: «Сочувствую вашей потере».

А вот открытка, которую я пишу Сяося, буквально до краев наполнена крошечными, плотно упакованными иероглифами. У Сяося такие длинные ноги. Это, наверное, уже двадцать третье письмо, которое я отправляю ей.

Я нахожу магазин, где можно зарядить телефон, и отправляю СМС родителям. Когда мы «в поле», там связи чаще всего нет.

Хозяин магазина с улыбкой берет у меня юань. Жители городка, скорее всего, никогда не видели такого количества выпускников одновременно (хотя прямо сейчас мы все измазаны грязью, и вид у нас не очень). Какие-то старики и старухи показывают нам большие пальцы, но, вероятно, думают только о деньгах, которые получит от нас городская экономика. Я вспоминаю Стручка, и мне хочется показать им «фак».

Договорившись о похоронах Стручка, инструктор по физподготовке ведет нас в дешевый ресторан.

– Мы выполнили норму всего на семьдесят шесть процентов, – говорит он.

Ему никто не отвечает: все стараются как можно быстрее умять свою порцию риса.

– Работайте лучше. Постараемся заслужить награду «Золотая кошка»!

Ему все равно никто не отвечает. Мы знаем, что за эту награду инструктор получит премию.

Стукнув кулаком по столу, инструктор по физподготовке встает.

– Так и будете всю жизнь бездельничать, лодыри?

Я хватаю свою миску с рисом, опасаясь, что сейчас он перевернет стол.

Но он этого не делает. Чуть погодя он снова садится на свое место.

– Может, наш детектор сломался? – шепчет кто-то.

Тут все начинают говорить одновременно. Большинство согласно с тем, что детектор, скорее всего, сломан. Кто-то пересказывает слух о том, что какой-то отряд настроил свой детектор на поиск редкоземельных металлов и газовых месторождений и ушел в горнодобывающий бизнес, одним ударом решив для себя проблему безработицы.

– Это бред, – говорит инструктор. – Детектор реагирует на метку, которая находится в крови крысы. Как он может найти газовое месторождение? – Чуть помолчав, он добавляет: – Пойдем вниз по течению. Там мы точно их найдем.

* * *

Как только я увидел инструктора по физподготовке, то сразу понял, что хочу ему врезать. Когда в первый день сборов мы прибыли в лагерь, он походил взад-вперед перед строем, а затем мрачно спросил:

– Зачем вы здесь?

После паузы Стручок неуверенно поднял руку.

– Да?

– Чтобы защищать родину, – ответил Стручок.

Все рассмеялись. Только я знал, что он не шутит.

Выражение лица инструктора не изменилось.

– Думаешь, это смешно? За эту шутку я награждаю тебя десятью отжиманиями.

Мы засмеялись еще громче.

– Все остальные – сто отжиманий!

Охнув, мы приступили к выполнению задачи. Инструктор медленно расхаживал среди нас; если какой-то боец отжимался неправильно, инструктор исправлял его стойку с помощью дубинки.

– Вы здесь потому, что все вы – неудачники! Вы жили в новых общежитиях, построенных на средства налогоплательщиков, ели рис, который вырастили крестьяне, наслаждались всеми привилегиями, которые страна могла вам дать. Чтобы вы могли учиться, ваши родители потратили деньги, отложенные на похороны. Но вы даже не нашли работу, не смогли даже позаботиться о своем выживании. Вы годитесь только на то, чтобы ловить крыс! На самом деле вы даже хуже крыс. Их можно экспортировать, продать за иностранную валюту, а от вас какая польза? Погляньте в зеркало на свои уродливые морды! Какие навыки у вас есть? Давайте посчитаем: вы умеете кадрить девочек, играть на компьютере и списывать на контрольных. Отжимайтесь! Пока не закончите, еды не получите!

Я отжимался, стискивая зубы от напряжения, и думал: «Пусть кто-нибудь один взбунтуется, и тогда мы всей толпой его уроем».

Похоже, что остальные думали так же, поэтому ничего не произошло.

Во время обеда было слышно, как палочки стучат по мискам, – у нас дрожали руки. Один новобранец, такой загорелый, что его кожа казалась почти черной, не совладал с палочками и уронил на землю кусочек мяса.

– Подними его и съешь, – сказал инструктор.

Но новобранец оказался упрямым. Он уставился на инструктора, но не сдвинулся с места.

– Откуда, по-твоему, берется твоя еда?! – воскликнул инструктор. – Я тебе объясню: деньги для закупки продовольствия отрезали от бюджета министерства обороны. Каждое зернышко риса, каждый кусок мяса, который ты ешь, отняли у настоящего солдата, и он сейчас голодает.

– Ну и что? – буркнул новобранец.

Шарах! Инструктор перевернул стол. Нас залило супом, засыпало рисом и овощами.

– Значит, никто из вас есть не будет, – сказал инструктор и ушел.

С тех пор новобранца прозвали «Черная Пушка».

На следующий день к нам прислали «доброего полицейского» – главу районной администрации. Он начал с политинформации. Прочитав фрагмент из «Книги песен» (десятый век до нашей эры, «крыса, о крыса, не ешь мое пшено»), он вкратце описал тот вред, который крысы причинили человечеству за три тысячи лет. Затем он вспомнил о современных международных событиях в сфере политики и экономики, объяснил, какую опасность представляет нынешнее нашествие крыс, и заверил нас в том, что их необходимо полностью истребить. И наконец он сообщил, что народ возлагает на нас свои надежды: «Любить страну и поддерживать армию – дело чести. Слава тем, кто защищает людей и убивает крыс».

В тот день мы ели досыта. Намекнув на инцидент, который произошел днем ранее, глава администрации раскритиковал инструктора по физподготовке. Он сказал, что мы, выпускники, – лучшие из лучших, будущие лидеры страны, что наши инструкторы должны вести себя справедливо, вежливо и дружелюбно, и учить нас, а не просто запугивать с помощью насилия.

Закончив речь, чиновник выразил желание сфотографироваться с нами. Мы строевым шагом встали в шеренгу, а он натянул веревку, которой должны были касаться носки наших ботинок, – ему хотелось увидеть, как хорошо мы маршируем.

* * *

Мы идем туда, куда течет вода. Инструктор по физподготовке прав: мы видим крысиный помет и отпечатки лап.

Уже холодает. Нам повезло – мы работаем на юге, но я даже не могу представить себе, как это – жить в палатках на севере, где сейчас ниже нуля. Официальные новости, как всегда, полны оптимизма: отряды Группы по борьбе с грызунами в нескольких районах уже расформированы со всеми почестями, а их бойцы получили хорошую работу в госкомпаниях. Но в списке счастливиц я не вижу ни одного знакомого имени. Остальные бойцы из моего взвода тоже никого не знают.

Инструктор поднимает правый кулак. *Стоять*. Затем он разводит пальцы в стороны. Мы рассыпаемся цепью и проводим разведку.

– Приготовиться к бою.

Внезапно меня поражает невероятная нелепость происходящего. Если подобная бойня, похожая на игру кошки с мышкой, – это бой, значит, человека, вроде меня, у которого нет никаких амбиций и который трусливее комнатной собачки, может назвать «героем».

Среди кустов мелькает серо-зеленая тень. Неокрысы генетически модифицированы так, чтобы ходить на задних лапах, поэтому они движутся медленнее, чем обычные. Мы шутим: хорошо, что их создатели не вдохновлялись мышонком Джерри из «Тома и Джерри».

Но эта неокрыса стоит на четырех лапах. Ее живот раздут, что еще больше затрудняет передвижение. Может, крыса бере... а, нет, я вижу болтающийся пенис.

«Бой» превращается в фарс: толпа людей со стальным оружием преследуют крысу со вспученным животом. В полной тишине мы медленно продвигаемся по полю. Внезапно крыса бросается вперед, скатывается по склону холма и исчезает из вида.

Хором выругавшись, мы бежим вслед за ней.

У подножия холма мы находим нору, а в ней тридцать, сорок крыс с раздутыми животами. Большинство из них – дохлые. Та, которая только запрыгнула туда, тяжело дышит.

– Чума? – спрашивает инструктор.

Мы молчим. Я думаю про Стручка. Он бы знал ответ.

Чи. Брюхо умирающей крысы пронзил наконечник копья. Ухмыляясь, Черная Пушка выдергивает копьё, разрезая брюхо крысы, словно спелый арбуз.

Все ахают. В животе крысы-самца более десятка крысиных эмбрионов – розовых, скрюченных, словно коктейльные креветки. Кое-кто из наших начинает блевать. Черная Пушка, все еще ухмыляясь, снова замахивается копьем.

– Стой, – говорит инструктор.

Черная Пушка отходит назад, посмеиваясь и вращая в руках копьё.

Создатели неокрыс нарочно ограничили их способность к размножению: на каждую самку приходится девять самцов. Это было сделано для того, чтобы ограничить их численность и тем самым поддерживать их рыночную стоимость на одном уровне.

Но, похоже, что эти меры перестают работать. Самцы, которых мы видим, умерли, потому что их брюшная полость не предназначена для вынашивания зародышей. Но как они вообще забеременели? Очевидно, их гены пытаются преодолеть искусственно созданные границы.

Я вспоминаю о том, что мне давным-давно рассказала Сяоя.

* * *

Номер Ли Сяоя я вбил в мобильник четыре года назад, но никогда ей не звонил. Каждый раз, когда я доставал телефон, мне не хватало храбрости нажать на кнопку вызова.

В тот день я собирал вещи, готовясь уехать в тренировочный лагерь, и внезапно услышал, что откуда-то издали доносится голос Сяоя. Сначала я решил, что у меня глюки, но потом понял, что случайно позвонил ей, сев на телефон. Я в панике схватил мобильник.

– Привет, – сказала она.

– Э-э...

– Говорят, ты едешь убивать крыс.

– Угу. Не смог найти работу...

– Может, я свожу тебя в ресторан? Жаль, что за четыре года учебы мы с тобой так и не узнали друг друга поближе. Будем считать, что это прощальный ужин.

По слухам, у общежития Сяося всегда ждали дорогие машины. По слухам, она меняла мужчин с той же легкостью, с какой другие девушки примеряют платья.

В тот вечер мы сидели друг напротив друга и ели жареный рис с говядиной. Глядя на ее лицо, на котором не было ни грамма косметики, я вдруг понял: она действительно умеет завладевать душой мужчины.

После ужина мы с ней бродили по университетскому городку, смотрели на здания, на пустые скамейки, на бродячих кошек. Внезапно я затосковал по универу: мне хотелось, чтобы мои воспоминания о нем были связаны с ней, но таких воспоминаний у меня не было.

– Мой папа разводил крыс, а ты идешь их убивать, – сказала она. – Будешь воевать с крысами в Год Крысы. Смешно.

– После учебы будешь помогать отцу? – спросил я.

От подобного предположения Сяося отмахнулась. Для нее выращивать крыс – то же самое, что работать на конвейере или шить рубашки на фабрике. Мы все еще не контролировали ключевые технологии, и эмбрионы по-прежнему приходилось импортировать. Крысы, выращенные нашими фермерами, подвергались тщательному отбору; тем, кто его проходил, имплантировали чипы, обеспечивающие запрограммированное поведение. Затем этих крыс отправляли за рубеж и продавали богачам как домашних животных.

Все, что наша страна, мировая фабрика, могла предложить, – это большое количество дешевой рабочей силы, задействованной на наименее технологичном этапе производства.

– Говорят, у сбежавших крыс модифицированы гены, – сказала Ли Сяося.

По ее словам, некоторые владельцы крысиных ферм покопались в геноме крыс – так же, как некоторые производители изучали программную начинку айфонов, чтобы создать их копии. Хозяева ферм хотели увеличить долю самок в популяции и уровень выживаемости молодняка. В противном случае рентабельность была слишком низкой.

– Говорят, что на этот раз крысы не сбежали, – продолжала Сяося. – Хозяева ферм сами выпустили их, чтобы надавить на правительство и получить больше субсидий.

Я не знал, что ответить. Я чувствовал себя таким невеждой.

– Но это лишь один из слухов, – сказала Сяося. – Другие утверждают, что массовый побег крыс организовали страны Западного альянса, чтобы получить более выгодную позицию на торговых переговорах. Узнать истину всегда так сложно.

Я посмотрел на красивую и умную молодую женщину, которая шла рядом со мной. Я ей неровня; она – птица более высокого полета.

– Пришли мне открытку, – сказала она.

Ее смех вывел меня из задумчивости.

– А?

– Тогда я буду знать, что у тебя все хорошо. И относись к крысам серьезно. Не стоит их недооценивать. Я видела, как они...

Она так и не договорила.

* * *

Время от времени я чувствую, что из темноты на меня смотрят блестящие глаза. Они круглые сутки наблюдают за нами, анализируют нас. Мне кажется, что я уже слегка спятил.

На берегу реки мы нашли восемнадцать гнезд – невысоких цилиндрических строений приблизительно двух метров в диаметре. Вокруг одного из них сидят студенты-физики и

обсуждают механическую структуру гнезда, состоящего из переплетенных палочек. Сверху гнездо закрыто толстым слоем листьев, словно его создатели хотели воспользоваться их восковидной поверхностью, чтобы создать водонепроницаемый слой.

– Я видел похожие постройки в деревнях дикарей – в одной передаче на канале «Дискавери», – говорит один из физиков.

Мы все подозрительно смотрим на него.

– Бред какой-то, – отвечаю я.

Сев на корточки, я разглядываю цепочки крысиных следов, которые ведут от одного гнезда к другому и к реке. Смысл этой картины не ясен. *У крыс есть сельское хозяйство? Им нужны поселения? Почему они их бросили?*

– Перестань думать о них, как о людях, – говорит Черная Пушка, холодно усмехнувшись.

Он прав. Крысы – не люди, и даже не настоящие крысы, а тщательно сконструированный товар – более того, товар, который не прошел контроль качества.

Я замечаю в следах что-то странное. Большинство из них меньше обычного и ведут только прочь от гнезд. Но перед каждым гнездом есть более глубокие следы, расстояние между которыми больше обычного. Между этими следами тянется длинная линия. Большие следы ведут только к гнездам, но не от них.

– Это... – я говорю медленно, стараясь, чтобы голос не дрожал... – Это – родильные залы.

– Господин! – К нам, ковыляя, подходит какой-то человек. – Вы должны это увидеть.

Он ведет нас к дереву. Под деревом стоит башня из камней, аккуратно сложенных друг на друга. Форма и цвет камней заставляют предположить, что у строителей было чувство меры и свои эстетические предпочтения. На дереве висят восемнадцать крыс-самцов; их разрезанные животы похожи на рюкзаки, у которых открыли молнию.

Вокруг дерева лежит ровный слой светлого песка. На нем бесчисленное множество крошечных следов; они окружают дерево, складываясь в расширяющуюся спираль. Я представляю себе процессию и мистические ритуалы. Должно быть, это было так же чудесно, как и церемония поднятия флага на площади Тяньаньмэнь в День образования КНР.

* * *

– Да ладно! На дворе же двадцать первый век! Люди высадились на Луне! Почему нас вооружили этим металлоломом? – завопил Стручок, вскакивая.

– Точно, – отозвался я. – Правительство постоянно говорит, что нужно модернизировать армию. Пусть нам выдадут какие-нибудь современные игрушки.

Другие бойцы, сидевшие вместе с нами в казарме, нас поддержали.

– СМИРР-НА!

Полная тишина.

– Современные игрушки? – спросил инструктор по физподготовке. – Таким, как вы? У вас, студентов, даже палочки для еды в руках не держатся. Если дать вам пушки, вы первым делом себе яйца отстрелите! Собирайтесь. Через пять минут уходим в марш-бросок на двадцать километров.

Каждому из нас выдали следующий комплект: короткое складное копье (наконечник можно было снять и превратить в кинжал), армейский нож с зазубренным лезвием, пояс для инструментов, компас, водостойкие спички, сухой паек и фляга. Инструктор не верил, что нам можно доверить что-то более сложное.

Словно доказывая его правоту, к концу марш-броска трое наших получили травмы. Один упал на нож и стал первым, уволенным из нашего взвода в запас. Не думаю, что он сделал это нарочно, – он был не настолько ловким.

Ближе к концу обучения я заметил тревогу в глазах бойцов. Стручок страдал от бессонницы; по ночам он крутился и ворочался, заставляя свою койку страшно скрипеть. К этому моменту я уже привык к жизни без телевизора, интернета и круглосуточных магазинов, но каждый раз, когда я думал о том, как проткну копьём из углеволокна теплое существо из плоти и крови, меня выворачивало наизнанку.

Конечно, были и исключения.

Проходя мимо тренировочного зала, мы видели, как потный Черная Пушка упражняется с копьём. Он сам, добровольно, устраивал себе дополнительные тренировки, а в свободное время постоянно точил свой нож. Один его знакомый сказал, что раньше Черная Пушка был тихим мальчиком – одним из тех, кого в школе обижают хулиганы. А теперь он, похоже, превратился в кровожадного мясника.

Шесть недель спустя мы впервые вступили в бой. Он продолжался шесть минут и четырнадцать секунд.

Инструктор по физподготовке приказал нам окружить небольшую рошу, а затем отдал приказ об атаке. Черная Пушка пошел первым. Мы со Стручком переглянулись, а затем, чуть помедлив, пошли вслед за ним. Когда мы с ним добрались до места действия, там уже была только лужа крови и куча переломанных костей. Мне сказали, что Черная Пушка в одиночку убил восемь крыс. Одну тушку он оставил себе.

После боя инструктор провел собрание, на котором похвалил Черную Пушку и покритиковал «отдельных лентяев».

Черная Пушка снял шкуру со своего трофея, но не обработал ее как следует. Она сгнила, начала вонять, и в ней завелись черви. В конце концов, сосед Черной Пушки дождался момента, когда его не было рядом, и сжег ее.

* * *

Боевой дух упал.

Неясно, что хуже – то, что крысы научились обходить искусственно созданные барьеры, препятствующие размножению, или то, что у них обнаружились признаки разумного поведения: постройки, иерархическое общество и даже религиозные ритуалы.

Моя паранойя усиливается. В лесах полно глаз, а из травы постоянно доносится чей-то шепот.

Сейчас ночь. Меня мучает бессонница, и я вылезаю из палатки.

В начале зимы звезды светят так ярко, что мне кажется, будто я вижу самые дальние уголки вселенной. Тишину пронзает стрекотание какого-то одинокого насекомого. Мое сердце сжимается от невыразимой тоски.

Ша! Я поворачиваюсь на звук. В пяти метрах от меня на задних лапах стоит крыса, словно еще один солдат, скучающий по дому.

Я тянусь за ножом, спрятанным в сапоге. Крыса тоже пригибается. Мы не сводим друг с друга глаз. Как только моя ладонь касается рукояти, крыса разворачивается и исчезает в лесу. Я выхватываю нож и бегу за ней.

Обычно я догоняю крысу за тридцать секунд, но сегодня ночью, похоже, вообще не могу даже сократить дистанцию между нами. Время от времени крыса оборачивается и смотрит, не отстал ли я. Это приводит меня в ярость.

Воздух наполнен сладким ароматом гниения. На небольшой поляне я останавливаюсь, чтобы отдышаться. У меня кружится голова. Деревья вокруг меня раскачиваются и изгибаются, странно поблескивая в свете звезд.

Из леса выходит Стручок. На нем очки, которые уже должны быть у его родителей, в нескольких тысячах километров отсюда. В его груди нет дыры, которую пробила ветка.

Я оборачиваюсь и вижу своих родителей. Папа в старом костюме, на маме простое платье. Они улыбаются. Они выглядят моложе, и волосы у них еще не седые.

По моим щекам текут слезы. Мне не нужна логика. Мне не нужен здравый смысл.

Инструктор по физподготовке нашел меня до того, как я умер от переохлаждения. Он сказал, что слез и соплей на моем лице было столько, что ими можно было наполнить флягу.

* * *

Стручок наконец-то сказал что-то осмысленное.

– Жизнь – такая...

Предложение он не закончил. Утомительная? Хорошая? Глупая? Можно вставить любое слово. Вот почему она осмысленная.

Теперь он говорил убедительно, по делу, оставляя простор для воображения. Честное слово, оказывается, занятия по литературной критике не прошли для меня впустую.

Моя жизнь была такой... невероятной. Полгода назад я и не предполагал, что буду мыться только раз в неделю, спать в грязи со вшами, драться с другими мужчинами моего возраста за пару печенок и дрожать от возбуждения при виде крови.

Люди гораздо легче приспосабливаются к условиям окружающей среды, чем нам кажется.

Где бы я был сейчас, если бы не вступил в Группу по борьбе с грызунами? Скорее всего, целый день сидел бы в интернете, а может, жил с родителями, и мы бы сводили друг друга с ума. А может, гулял бы по району с компанией из местных неудачников и громил бы все подряд.

Но сегодня, когда инструктор отдал мне приказ, я был на поле боя, я размахивал копьём, словно настоящий охотник, я гонялся за крысами всевозможных цветов. Отчаянно визжа, крысы неуклюже пытались сбежать, ковыляя на задних лапах, их заставили так ходить, чтобы они стали более симпатичными. По слухам, крыс, сертифицированных для экспорта, оперировали, чтобы они могли лучше вокализировать. Я представил себе, как крыса вопит по-английски: «Нет!» или «Не надо!» – а затем смотрит на то, как копьё пронзает ее брюхо.

Постепенно наш взвод разработал неписанные правила. После боя каждый из нас отдавал хвосты убитых им крыс инструктору, чтобы можно было провести подсчет. От этих показателей теоретически зависело то, какую работу мы получим после увольнения в запас.

Начальство точно знало, как нас мотивировать; я чувствовал себя совсем как в университете, когда вывешивали результаты экзаменов.

Больше всего поощрений получал Черная Пушка. Число убитых им крыс, вероятно, уже превысило тысячу, и он сильно оторвался от всех остальных. Мой собственный результат был ниже среднего, едва соответствовал норме – совсем как в университете. Стручок оказался в самом низу – да и то потому, что время от времени я давал ему пару хвостов.

Инструктор отвел меня в сторону.

– Слушай, ты же друг Стручка. Разберись с ним.

Стручка я нашел за кучей листьев. Я сильно шумел, чтобы он успел убрать фотографии родителей и стереть с лица слезы и сопли.

– Тоскуешь по дому?

Он кивнул, отводя в сторону глаза с распухшими веками.

Я достал из внутреннего кармана фотографию.

– Я тоже думаю о доме.

Он надел очки и изучил снимок.

– Твои родители такие молодые.

– Снимок сделали много лет назад. – Я посмотрел на одежду родителей – она все еще выглядела новой. – Похоже, я не очень хороший сын. Столько лет заставлял их волноваться. И даже не сфотографировал их ни разу.

У меня защипало в носу.

– Ты про макак слышал? – спросил Стручок.

Уследить за ходом его мысли было невозможно. Его разум был похож на проволочную сетку, и идеи путешествовали по нему прыжками.

– Ученые обнаружили в их мозгах зеркальные нейроны, – продолжил Стручок. – Поэтому макаки, как люди, понимают мысли и чувства других обезьян. У них в голове есть зеркало, обеспечивающее эмпатию. Понимаешь?

Я ничего не понял.

– Эмпатия есть у тебя. Ты всегда умеешь выбрать подходящие слова и привести меня в нужное состояние. По-моему, у тебя избыток зеркальных нейронов.

– Ты меня обезьяной назвал, что ли? – спросил я и в шутку стукнул его.

Стручок не рассмеялся.

– Я хочу домой.

– Не тупи. Инструктор ни за что тебя не отпустит, а если сбежишь, то испортишь свое личное дело. Как ты после этого будешь искать работу?

– Я просто не могу этим заниматься, – медленно ответил Стручок, глядя мне в глаза. – По-моему, крысы ни в чем не виноваты. Они – такие же, как мы, они делают все, что могут. Но нам суждено гоняться за ними, а им – убежать. Если бы мы поменялись ролями, ничего бы не изменилось.

Я не знал, что ответить, и поэтому просто положил ему руку на плечо.

По дороге в лагерь я столкнулся с Черной Пушкой.

– Ты теперь психотерапевт у этого слюнтяя? – ухмыльнулся он.

Я показал ему «фак».

– Осторожно, а то пойдешь на дно вместе с ним! – крикнул он.

Я попытался задействовать свои зеркальные нейроны и разобраться в мыслях и чувствах Черной Пушки. Мне это не удалось.

* * *

Инструктор по физподготовке задумчиво смотрит на карту и на детектор.

По данным детектора, к границам нашего района движется большая стая крыс. Если мы будем идти с той же скоростью, что и раньше, то доберемся до них через двенадцать часов. Уничтожив всю группу, мы выполним норму, и тогда нас уволят в запас со всеми почестями. Мы получим работу и поедем домой на Новый год.

Но есть одна проблема: отрядам Группы по борьбе с грызунами запрещено пересекать границы районов. Это правило ввели для того, чтобы снизить уровень конкуренции между отрядами, – иначе бы они постоянно крали крыс друг у друга.

Инструктор поворачивается к Черной Пушке.

– Мы сможем дать бой так, чтобы операция не вышла за границы нашего района?

Черная Пушка кивает.

– Я это гарантирую. Если перейдем границу района, можете забрать все мои хвосты. Мы смеемся.

– Ладно. Тогда готовьтесь. Выступаем в восемнадцать ноль-ноль.

В одном магазине я нахожу стационарный телефон. Сначала я звоню маме. Узнав о том, что я, возможно, скоро приеду домой, она так радуется, что ничего не может сказать. Я говорю еще несколько фраз и вешаю трубку – боюсь, что она заплачет. Затем, не успев остановить себя, я набираю еще один номер.

Номер Ли Сяоя.

Она понятия не имеет, кто я. Не падая духом, я все ей объясняю, и она наконец вспоминает меня.

Она устроилась в китайский филиал иностранной компании. Работа с девяти до пяти, большая зарплата. В следующем году она, возможно, поедет за границу, чтобы пройти обучение за счет компании. Говорит Сяоя как-то рассеянно.

– Ты мои открытки получила?

– Да, конечно... – Она ненадолго умолкает. – Ну, первые несколько штук. Потом я переехала.

– Скоро я уволюсь в запас.

– А! Отлично, отлично. Не пропадай.

Я не сдаюсь.

– Помнишь, когда мы расставались, ты сказала, чтобы я остерегался крыс? Ты говорила, что видела их. Что ты видела?

Наступает долгое и неловкое молчание. Я не дышу и, кажется, в любую секунду могу упасть в обморок.

– Не помню, – отвечает она. – Не важно.

Я жалею о том, что потратил деньги на этот звонок.

Я тупо смотрю на бегущую ленту новостей в нижней части телеэкрана, установленного в продуктовом магазине: «Регулирование численности грызунов проходит успешно... Западный альянс согласился провести новый раунд торговых переговоров, посвященный росту напряженности в отношениях с нашей страной... Число рабочих мест для выпускников увеличивается».

Хотя крысы и обошли ограничения, наложенные на их рождаемость, квоты нам не изменили. Это бред, но мне плевать. Похоже, что у нас будет работа и что объем экспорта снова вырастет. Видимо, то, чем мы занимаемся, не имеет никакого значения.

Похоже, что Сяоя права, – до нас доходят только слухи и догадки. Кто знает, что именно происходит за закрытыми дверями?

Один фактор – любой – ничего не меняет. Все должно быть в контексте. В мире слишком много скрытых связей, слишком много замаскированных возможностей заработать, слишком много соперничающих фракций. Это самая сложная шахматная партия в мире, Великая игра.

Но я вижу только одно – свое разбитое сердце.

* * *

В последние пару дней Стручок стал слишком часто ходить в туалет.

Я незаметно проследил за ним и увидел, как он достает небольшую металлическую банку, в крышке которой просверлены отверстия. Он осторожно приоткрыл крышку, бросил внутрь пару печенок и что-то прошептал.

Я прыгнул вперед и протянул руку к банке.

– Он такой милый, – сказал Стручок. – Смотри, какие у него глазки.

Похоже, он пытался воздействовать на мои зеркальные нейроны.

– Это же запрещено!

– Он поживет у меня пару дней, а потом я его отпущу, – умолял Стручок.

Его глаза были такими яркими, совсем как у новорожденного крысенка.

Такой нервный и беспечный человек, как Стручок, не умел хранить тайны. И когда передо мной встали инструктор и Черная Пушка, я понял, что все раскрылось. Мне захотелось рассмеяться, а Стручок уже хохотал.

– Прекратить, – сказал инструктор. Мы встали по стойке «смирно». – Если дадите мне разумное объяснение, то и ваше наказание будет в разумных пределах.

Решив, что терять мне нечего, я на ходу придумал «объяснение». Черная Пушка пришел в такую ярость, что казалось, еще немного, и его нос навсегда искривится.

Потратив целый день, мы со Стручком выкопали на склоне холма яму метра два глубиной и выстелили ее куском брезента, намазанным жиром. Стручку мой план не понравился, но я сказал, что только так мы сможем избежать наказания.

– Он очень умный, – сказал Стручок. – Он может даже повторять мои жесты.

Стручок провел демонстрацию, и действительно крыса оказалась прирожденным имитатором. Я пытался научить ее кое-каким движениям, но она отказалась их выполнять.

– Супер, – ответил я. – У нее почти такое же айкью, как и у тебя.

– Я пытаюсь относиться к ней просто как к хорошо сконструированному товару, – сказал Стручок. – Как к комку модифицированной ДНК. Но на эмоциональном уровне я не могу это сделать.

Мы спрятались с подветренной стороны от ямы. Стручок держал в руках бечевку, которую он привязал к лапе крысенка, сидевшего в яме. Мне приходилось постоянно напоминать Стручку, чтобы он время от времени дергал за бечевку, заставляя крысу жалобно пищать. Его руки дрожали. Ему не нравилось это делать, но я его заставил. На карту было поставлено наше будущее.

Весь мой план строился на догадках. Кто знает, есть ли у этих искусственно созданных существ родственные узы? Есть ли у взрослых крыс инстинкты, связанные с выводением потомства? Как новый процесс размножения – когда одна самка спаривается с несколькими самцами, каждый из которых становится «беременным», – влияет на происходящее?

Появилась одна крыса – самец. Он понюхал воздух рядом с ямой, словно пытаясь идентифицировать запах, а затем упал в яму. Я слышал, как его когти скребут по брезенту. Я рассмеялся. Теперь у нас были две крысы в качестве приманки.

Взрослый самец пищал гораздо громче, чем малыш. Если у него действительно высокое айкью, то он предупредит об опасности своих товарищей.

Я ошибался. Появился второй самец. Он подошел к краю ямы, похоже, поговорил с сидевшими в ней крысами, затем сам упал туда.

Затем появился третий, четвертый, пятый... На семнадцатой крысе я забеспокоился, что яма недостаточно глубокая.

Я дал сигнал, и ловушку окружили люди с копьями.

Крысы строили пирамиду. Ее нижний уровень состоял из семи крыс, которые прислонились к стене ямы. На их плечах стояли пять крыс следующего уровня. Затем – три крысы. Еще две крысы тащили наверх крысенка.

– Стойте! – завопил Стручок.

Он осторожно потянул за бечевку и медленно отделил крысенка от взрослых крыс. Как только это произошло, взрослые крысы закричали – и в их голосах я услышал печаль. Пирамида развалилась; кровь брызнула, потекла по наконечникам копий.

Чтобы спасти ребенка, не связанного с ними узами родства, крысы были готовы пожертвовать собой. И мы воспользовались этим, чтобы их уничтожить.

Я содрогнулся.

Стручок подтянул к себе крысенка. Но когда малыш уже почти завершил свое кошмарное путешествие, его раздавил чей-то сапог.

Черная Пушка.

Стручок прыгнул на него, размахивая кулаками, и разбил ему губу.

Поначалу Черная Пушка оторопел, но затем он, смеясь, схватил тощего Стручка и поднял над головой. Затем он подошел к яме, наполненной кровью, и приготовился бросить в нее Стручка.

– Сопляк хочет составить компанию своим грязным друзьям.

– Отпусти его!

Внезапно появился инструктор и навел порядок.

За свой план я получил поощрение – впервые за время службы в Группе по борьбе с грызунами. По этому случаю инструктор произнес речь, в которой трижды упомянул «университетское образование», и ни разу – с сарказмом. Моя задумка поразила даже Черную Пушку. Когда мы остались наедине, он сказал, что все хвосты, взятые в этом бою, должны достаться мне. Я согласился, а затем отдал их Стручку.

Конечно, я понимал, что они никак не компенсируют ему потерю.

* * *

Поля, фермы, деревья, холмы, пруды, дороги... Мы проходим мимо, словно тени в ночи.

На привале Черная Пушка предлагает инструктору разделить взвод на две части. Он, Черная Пушка, выберет лучших бойцов, и они пойдут вперед, а остальные медленно двинутся следом. Он смотрит по сторонам и многозначительно добавляет:

– В противном случае мы, возможно, не выполним задание.

– Нет, – говорю я. – Инструктор и Черная Пушка смотрят на меня. – Армия сильна, если бойцы действуют сообща. Мы наступаем вместе, мы отступаем вместе. Среди нас нет лишних, среди нас нет тех, кто важнее остальных. – Я делаю паузу и смотрю прямо в глаза взбешенному Черной Пушке. – В противном случае мы ничем не будем отличаться от крыс.

– Хорошо, – отзывается инструктор и тушит окурок. – Значит, действуем сообща. Вперед.

Черная Пушка идет рядом со мной. Он понижает голос так, чтобы его слышал только я.

– Жаль, что ты не скатился по плотине вместе с тем сопляком.

Я холодею.

Прежде чем уйти, Черная Пушка ухмыляется мне. Эта мерзкая улыбочка мне знакома: он ухмылялся так, когда советовал мне держаться подальше от Стручка, когда он раздавил крысенка, когда поднял Стручка над головой, когда вспарывал животы крысам.

В тот день, когда погиб Стручок, Черная Пушка был рядом с ним. Говорят, что Стручок сошел, чтобы сорвать редкое растение. Но ведь без очков он практически ничего не видел.

Зря я поверил их лживым речам.

Я смотрю в спину Черной Пушки, и в памяти одно воспоминание всплывает за другим. Это самый тяжелый марш-бросок в моей жизни.

– Приготовиться к бою.

Слова инструктора выводят меня из задумчивости. Мы идем уже десять часов.

Единственный бой, который имеет значение, – это бой между Черной Пушкой и мной.

Снова заря. Поле боя – густой лес в долине. Склоны с обеих сторон крутые и голые. План инструктора прост: один отряд идет вперед и отрезает стае крыс путь отступления по долине. Другие отряды идут следом и убивают всех крыс, которых увидят. Игра окончена.

Я пробираюсь по лесу, чтобы присоединиться к отряду Черной Пушки. Плана у меня нет; я просто не хочу упускать его из виду. Лес густой, и видимость плохая. В воздухе висят какие-то голубые испарения. Черная Пушка идет быстро, задавая темп остальным. Мы, словно призраки, огибаем деревья, пересекаем туман.

Внезапно Черная Пушка останавливается. Мы смотрим туда, куда он показывает пальцем, и видим в нескольких метрах от нас крыс. Они расхаживают туда-сюда, но когда мы подходим поближе, крысы исчезают. Мы разворачиваемся и видим, что крысы по-прежнему всего в нескольких метрах.

Это повторяется еще несколько раз. Нам становится страшно.

Испарения сгущаются, приобретают странный запах. Пот стекает по моему лбу и обжигает глаза. Я крепко сжимаю копьё, пытаюсь не отстать от отряда, но мои ноги словно стали резиновыми. Паранойя вернулась. За мной наблюдают какие-то существа, прячущиеся в траве. Я слышу шепот.

Теперь я остался один. Вокруг меня лишь густой туман. Я поворачиваюсь кругом. Мне кажется, что повсюду меня подстерегают опасности. Я в отчаянии.

Внезапно раздаётся долгий, громкий вопль. Я бегу в том направлении, откуда он донесся, но ничего не вижу. Я чувствую, что позади меня бежит что-то большое. Ещё один вопль. Затем я слышу скрежет металла, звук разрываемой на части плоти, тяжелое дыхание.

А затем – тишина, абсолютная тишина.

Эта тварь у меня за спиной. Я чувствую ее горячий взгляд.

Я разворачиваюсь, и тварь прыгает на меня из тумана. Неокрыса размером с человека набрасывается на меня. Мое копьё прижимает ее окровавленные лапы к груди; мы вцепляемся друг в друга и падаем на землю. Ее острые зубы шелкают рядом с моим ухом; из пасти крысы воняет так, что я задыхаюсь. Я хочу оттолкнуть ее ногами, но она прижала меня к земле.

Я беспомощно наблюдаю за тем, как когти приближаются к моей груди. Я рычу от ярости, но мой рык больше похож на громкий отчаянный вопль.

Холодная лапа разрывает мою форму. Я чувствую, как она прижимается к моей груди. Вдруг меня обжигает боль: когти раздрают кожу и мышцы, миллиметр за миллиметром продвигаясь к сердцу.

Я смотрю на нее. Крыса смеется. Ее губы складываются в жестокую ухмылку, так хорошо мне знакомую.

Бах! Вздрогнув, крыса озадаченно поворачивает голову, пытаясь найти источник звука. Собрав остатки сил, я отталкиваю ее лапы, а затем бью ее по голове копьём.

С глухим стуком она падает на землю.

За ней я вижу более крупную и высокую крысу. Она идет ко мне. В лапах у нее пистолет. Я закрываю глаза.

* * *

– Вечером сможете выпить, – сказал инструктор по физподготовке и указал на коробки с пивом, стоящие рядом с кострищем.

– А какой повод? – радостно спросил Стручок и вытащил из большой миски куриную ногу.

– Кажется, у кого-то сегодня день рождения.

Стручок на секунду замер, а затем снова впился зубами в куриную ногу. Мне показалось, что в свете костра я разглядел слезы в его глазах.

Инструктор, похоже, был в хорошем настроении.

– Слушай, Стручок, – сказал он, протягивая Стручку еще одно пиво, – ты же Стрелец, значит, должен метко стрелять. Но ни в одну крысу ты не попал. Почему? Ты из другого ствола стреляешь, что ли?

Мы смеялись так, что у нас животы заболели. Таким инструктора мы еще не видели.

Именинник съел праздничную лапшу и загадал желание.

– Что ты загадал? – спросил инструктор.

– Чтобы все мы побыстрее ушли в запас, вернулись домой, получили хорошую работу и смогли повидаться с родителями.

Все умолкли и подумали, что инструктор сейчас разозлится, но он со смехом захолопал в ладоши и сказал:

– Отлично. Значит, родители не зря потратили на тебя деньги.

Все заговорили одновременно. Один сказал, что хочет заработать кучу денег и купить большой дом, другой – что мечтает переспать с красивой девушкой с каждого континента. Третий заявил, что хочет стать президентом.

– Если ты будешь президентом, – ответил кто-то, – значит, мне придется стать главнокомандующим Млечного Пути.

Я заметил, что инструктор сидит с каким-то странным выражением лица.

– А вы что загадали?

Инструктор пошевелил палкой в костре.

– Я родом из бедной деревни. Все, кто родился там, тупые, и, в отличие от вас, учатся плохо. В юности я решил, что не хочу работать в поле или идти на заработки в город. Мне казалось, что все это бессмысленно. А потом кто-то сказал: «Иди в армию. Будешь защищать страну, а если хорошо себя покажешь, то вернешься домой героем и прославишь предков». Я всегда любил фильмы о войне и решил, что носить форму – это круто. Поэтому я пошел служить... Бедные парни вроде меня умели только одно – упорно работать. Я каждый день тренировался больше всех. Брался за любую работу, даже самую грязную. Если возникало опасное задание, я вызывался добровольцем. Ради чего? Я просто хотел получить возможность совершить подвиг на поле боя. Это был мой единственный шанс чего-то добиться в жизни, понимаете? Если бы я стал героем, то моя смерть не была бы напрасной.

Инструктор вздохнул и продолжил шевелить палкой в костре. Молчание затянулось.

Затем он поднял на нас взгляд и ухмыльнулся.

– Что затихли? Зря я испортил вам настроение. – Он отбросил палку. – Чтобы вас повеселить, я спою вам песню. Она старая. Когда я впервые ее услышал, вы еще не родились.

Слуха у него не было, но зато пел с душой. В его глазах стояли слезы.

– «... У меня осталась лишь моя раковина. Помнишь старые добрые времена, когда мы радовались свободе и не боялись бурь? Всю жизнь мы верили, что изменим будущее, но кому это удалось?..»

Пока он пел, дрожащие тени от костра делали его похожим на героя, на великана. Когда он умолк, мы громко зааплодировали.

– Я тебе вот что скажу, – Стручок наклонился ко мне и глотнул из бутылки. – Жизнь... так похожа на сон.

* * *

Меня разбудил громкий шум двигателя.

Я открываю глаза и вижу инструктора по физподготовке. Его губы шевелятся, но я не слышу ни слова.

Я пытаюсь встать, но острая боль в груди заставляет меня лечь обратно. Над головой – сводчатый металлический потолок. Затем весь мир начинает вибрировать и дрожать, и ощущение тяжести прижимает меня к полу. Я на борту вертолета.

– Не двигайся, – кричит инструктор, наклонившись к моему уху. – Мы везем тебя в больницу.

В памяти всплывают обрывочные картины боя. Затем я вспоминаю то, что увидел, прежде чем потерять сознание.

– Та пушка... Это были вы?

– Транквилизатор.

Я начинаю что-то понимать.

– А что с Черной Пушкой?

Инструктор отвечает далеко не сразу.

– У него тяжелая черепно-мозговая травма. Скорее всего, он до конца своих дней останется овощем.

Я вспоминаю ту ночь, когда я не мог заснуть. Вспоминаю Стручка, своих родителей и...

– Что вы видели? – с тревогой спрашиваю я. – Что вы видели на поле боя?

– Не знаю, – отвечает он и смотрит мне в глаза. – Тебе, скорее всего, этого тоже лучше не знать.

Я обдумываю его слова. Если крысы научились с помощью химических веществ изменять наши ощущения, создавать иллюзии, которые заставляют нас убивать друг друга, значит, война еще долго не закончится. Я вспоминаю вопли и звук копий, вонзающихся в тело.

– Смотри! – инструктор приподнимает меня, чтобы я мог выглянуть в иллюминатор.

Крысы, миллионы крыс. Они идут по полям, лесам, холмам и деревням. Да, идут на двух ногах, выпрямившись, словно самая большая в мире группа туристов на экскурсии. Ручейки из крыс сливаются в реки, затем в огромные потоки, в моря. Шкурки разных цветов складываются в огромные рисунки. Я вижу, что у них есть чувство прекрасного.

Океан крыс колыхается над высохшей, увядшей зимней землей, над одинаковыми, скучными постройками людей, словно поток новой жизненной силы, который медленно течет по вселенной.

– Мы проиграли, – говорю я.

– Нет, мы победили, – отвечает инструктор. – Скоро увидишь.

Мы приземляемся на территории военного госпиталя. Меня, героя, встречают с букетами цветов, усаживают в кресло-каталку. Симпатичная медсестра везет меня в здание. Мне быстро оказывают помощь, а затем меня моют. Поток воды, стекающий с моего тела, долго не становится чистым. Затем мне приносят еду. Я ем так быстро, что меня начинает тошнить. Медсестра сочувственно похлопывает меня по плечу.

По телевизору в столовой показывают: «Чтобы устранить противоречия в сфере торговли, наша страна заключила предварительное соглашение с Западным альянсом. Стороны согласились, что оно выгодно для всех...»

Затем начинается репортаж о массовой миграции крыс, которую я видел с вертолета.

– Тринадцать месяцев наш народ вел героическую борьбу с грызунами, и теперь угроза наконец ликвидирована!

Камера перемещается к океану. Огромный разноцветный ковер медленно заходит в море, распадается на миллионы частиц, растворяется в воде.

Картинка увеличивается. Неокрысы похожи на солдат, которыми овладело боевое безумие. Они яростно нападают на все, что находится рядом. Больше нет ни воюющих сторон, ни организации, ни каких-либо намеков на стратегию и тактику. Каждая неокрыса сражается сама за себя, разрывает на части тела сородичей, кусает, отгрызает головы другим крысам. Такое чувство, словно невидимая рука щелкнула генетическим переключателем, и вместо уверенного движения к цивилизации крысы вернулись к самым примитивным инстинктам. Они бьются друг с другом, и ковер из них, содрогаясь, превращается в кровавую реку, которая течет в море.

– Видишь? Я же говорил, – замечает инструктор.

Но к этой победе мы никакого отношения не имеем. Все было запланировано с самого начала. Тот, кто организовал бегство неокрыс, также построил в них программу, которая позволит избавиться от них, когда они выполнят свою задачу.

Ли Сяоя была права. Стручок был прав. Инструктор тоже был прав. Все мы словно крысы, мы – просто пешки, камни, ничего не стоящие фишки, участвующие в Великой игре. Мы видим лишь несколько соседних клеток на доске и можем двигаться лишь в соответствии с правилами игры. Пушка с восьмой вертикали на пятую. Конь со второй вертикали на третью. Никто не знает, в чем смысл этих ходов, никто не знает, когда великая рука снимет нас с доски, одного за другим.

Но когда партия заканчивается, все жертвы – как среди нас, так и среди неокрыс – становятся оправданными. Я снова вспоминаю Черную Пушку в лесу и вздрагиваю.

– Никому не рассказывай о том, что видел, – говорит инструктор.

Я знаю – он имеет в виду религию крыс, ухмылку Черной Пушки, смерть Стручка. Все это не является частью официальной истории. Все это мы должны забыть.

– Когда крысы пройдут мимо города? – спрашиваю я у медсестры.

– Где-то через полчаса. Их можно будет увидеть из парка рядом с госпиталем.

Я прошу ее отвезти меня туда. Хочу попрощаться с моим врагом, который никогда не существовал.

Лицзянские рыбы

Передо мной два кулака. От их тыльных сторон отражается яркий солнечный свет.

– Левый или правый?

Мой палец – маленький, детский – неуверенно указывает на левый кулак. Кулак разжимается. Пусто.

Кулаки исчезают и появляются снова.

– Еще один шанс. Левый или правый?

Я показываю на тот, что справа.

– Точно? Может, передумашь?

Мой палец застывает в воздухе, движется влево, затем вправо, словно плывущая в воде рыба.

– Окончательный ответ? Три... два... один...

Мой палец останавливается на левом кулаке.

Кулак переворачивается, разжимается. На ярко освещенной ладони ничего нет.

* * *

Сон?

Я открываю глаза. Яркий белый солнечный свет режет глаза. Даже не знаю, сколько я уже проспал на этом дворике, построенном в стиле наси⁴.

Мне давно уже не было так хорошо. *Какое же тут офигительно синее небо.* Я потягиваюсь, пока кости не начинают трещать.

За десять лет тут изменилось все, кроме неба.

Лицзян⁵, я вернулся. На этот раз – больным.

* * *

Двадцать четыре часа назад у меня было множество личностей: офисный трутень со строгим распорядком дня, владелец серого «Форда», будущий хозяин заплесневелой квартиры, спрятанной в одной из складок города, погрязший в долгах паразит и т. д.

А теперь я просто пациент, нуждающийся в реабилитации.

Во всем виноват проклятый обязательный медосмотр. На его последней странице – слова «ПНФР II (Психогенное нервное функциональное расстройство II)». Если перевести их на язык нормальных людей, то это значит, что у меня проблемы с головой и что я должен уйти в отпуск на две недели и подлечиться.

Покраснев от стыда, я спросил у босса, нельзя ли сделать для меня исключение. Я *чувствовал*, как взгляды всех, кто был в офисе, вонзаются в мою шею. *Злорадство.* Мои сослуживцы в восторге оттого, что любимчик босса в конце концов оказался обычным человеком – слабым на голову, сломавшимся от стресса.

Я содрогнулся. Вот они, офисные интриги.

– Думаешь, мне это нужно? – медленно, размеренно заговорил босс. – Я же должен оплатить тебе отпуск! В других компаниях люди не могут пройти реабилитацию, даже если она им нужна. Но по новым законам о труде мы обязаны это сделать. Ведь мы – настоящая глобаль-

⁴ Наси – народ, проживающий на юго-западе Китая. Город Лицзян в провинции Юннань – центр культуры наси.

⁵ Регион Лицзяна славится природной красотой Снежной горы нефритового дракона и Старым городом Лицзяна с упорядоченными каналами и мостами. Старый город является объектом мирового наследия ЮНЕСКО.

ная корпорация, мы должны подавать пример... В общем, если тебе станет хуже, твоя болезнь превратится в нейросифилис, и тогда мы все заразимся. Так что лучше уйти сейчас, верно?

Опозоренный, я покинул кабинет босса и собрал свое добро со стола. Взгляды коллег я игнорировал. *Смотрите, смотрите, нейросифилитики. Через две недели я вернусь, тогда и увидим, кто в конце года станет помощником менеджера.*

В самолете я слушал храп сидевших рядом пассажиров, но сам заснуть не мог. Я уже больше месяца страдал от бессонницы. Если честно, то я много от чего страдал – от расстройства желудка, забывчивости, головной боли, усталости, депрессии, потери либидо... Возможно, мне в самом деле пора отдохнуть.

Я полистал рекламную брошюру. Фотографии достопримечательностей Лицзяна были такие красивые, что почти казались фейковыми.

Десять лет назад у меня ничего не было, и ничего меня не беспокоило. Десять лет назад Лицзян считался раем для тех, кто мечтал убраться подальше от цивилизации. (Или, проще говоря, именно в Лицзян приезжали юноши и девушки, считавшие себя «художниками», чтобы спать друг с другом.) Десять лет назад все свое добро я носил с собой (тогда у меня еще были кое-какие мышцы). Положив в карман карту, я бродил по Старому городу с утра до полуночи, заговаривал с каждой одинокой женщиной, а снотворным мне служили песни и алкоголь.

Теперь я вернулся. У меня есть машина, дом и вообще все, что должно быть у мужчины, в том числе проблемы с эрекцией и бессонница. Если счастье и время были бы осями координат, тогда, боюсь, кривая моей жизни уже преодолела бы максимум и неумолимо двигалась бы в направлении дна.

Я замер, я ни о чем не думаю. Солнечный свет падает с высоких стен на двор, в котором пахнет китайским красным деревом. Не знаю, сколько я тут уже сижу. Персонал реабилитационного центра отобрал у меня часы, мобильник и все остальные гаджеты, которые могут показывать время.

В Старом городе нет ни компьютеров, ни телевизоров, но некоторые жители сдают в аренду пространство на лбу и на груди. В их кожу встроены крошечные экраны, на которых двадцать четыре часа в сутки крутится реклама. Как я уже сказал, раньше Лицзян был совсем другим.

Станным образом, в лучах солнца мое желание как можно быстрее выздороветь слабеет, словно запах красного дерева.

В животе у меня бурчит. Нужно выйти и что-нибудь съесть. Кажется, что у меня остался только один инструмент для определения времени – мой желудок. А, еще мочевого пузыря и меняющиеся огни в небе.

На вымощенной плиткой улице людей почти нет – эта часть города отведена под выздоравливающих пациентов. А вот бродячих собак тут полно – толстых, тощих, всяких.

Во время полета кто-то из соседей рассказал шутку. Людей, совершивших тяжкие экономические преступления, могут приговорить не только к смертной казни или пожизненному заключению, но и к третьему виду наказания: отправить на эксперименты по переносу сознания в собак. Обычно такие эксперименты заканчиваются неудачно, поэтому добровольно в них никто участвовать не хочет. Но жизнь в Лицзяне такая приятная – даже у собак, что многие с радостью пользуются этой возможностью.

Я смотрю на то, как местные собаки пресмыкаются перед красивыми девушками и боятся городских инспекторов, и мне кажется, что это не шутка, а чистая правда.

Съев миску курицы в соевом соусе, я нахожу кафе и сажусь за столик с чашкой черного кофе. Я листаю книги, которые всегда собирался прочесть (и которые никогда не дочитаю), и думаю о «смысле жизни».

То есть вот так ты выздоравливаешь? Без физической терапии, лекарств, диеты, йоги, регуляции инь-ян и всех остальных методов профессионального ухода? Именно это означает лозунг, который висит в центре реабилитации: «Здоровый разум, счастливое тело»?

Если честно, то сейчас у меня хороший аппетит и крепкий сон, я расслаблен и чувствую себя даже лучше, чем десять лет назад.

А мой нос, который был забит уже несколько недель, теперь чувствует аромат саше, разложенных в кафе. *Смон. Саше?*

Я поднимаю голову. Напротив меня сидит девушка в темно-зеленом платье. В руках у нее бокал с благоухающим напитком. Она радостно мне улыбается. Это похоже на сцену из какого-то французского фильма, а может, на сон – либо приятный, либо кошмарный.

* * *

– Значит, вы маркетолог?

Мы с женщиной идем по мощеной мостовой, залитой золотыми лучами заходящего солнца. Из баров доносятся восхитительные запахи.

– Ага. Можно также сказать, что я занимаюсь продажами. А вы? Работаете в офисе? На госслужбе? В полиции? Вы – учительница? – Вдруг я решаю немного ей польстить. – Может, вы актриса?

– Ха! Не угадали. – Кажется, моя шутка ей понравилась. – Я медсестра, работаю в отделении интенсивной терапии. Удивлены?

– Значит, даже медсестры болеют и нуждаются в реабилитации.

После ужина мы идем в бар. Женщина разочарована тем, как ухудшилось обслуживание в Лицзяне.

– Куда делись интересные люди, которые здесь работали?

У одного из официантов мы узнаем, что теперь это заведение принадлежит компании «Лицзян индастриз» (код ценной бумаги № 203845), которую финансируют несколько крупных конгломератов. Местные владельцы заведения, которых знала эта женщина, продали его, потому что расходы на содержание сильно выросли, и у них не хватило денег на новую лицензию. Все так подорожало! Однако курс акций «Лицзян индастриз» постоянно растет.

Ночью Старый город наполнен духом потребления, но мы не можем найти ни одного места, куда бы нам хотелось пойти. Женщине совсем не нравится музыка наси в исполнении оркестра роботов:

– Такие звуки издает осел, которому отрезали яйца.

Ну а я отказываюсь смотреть на народный танец, который пляшут у костра:

– Это похоже на шашлык из человечины.

В конце концов мы ложимся на обочине и смотрим на рыб, которые плавают в канале.

В каналах Лицзяна живут стайки красных рыб. На заре, в потемках или в полночь можно увидеть, как они висят в толще воды и смотрят в одну и ту же сторону, словно солдаты на параде. Но, приглядевшись, вы замечаете, что на самом деле рыбы прилагают огромные усилия, чтобы оставаться на месте в потоке воды. Время от времени одна-две рыбы устают, и течение выносит их из общего строя, но вскоре они, размахивая хвостами, возвращаются на свои места.

В последний раз я видел этих рыб десять лет назад. Они, по крайней мере, не изменились.

– Плаваешь, плаваешь, плаваешь. А потом – глядь, и жизнь прошла, – повторяю я слова, которые сказал десять лет назад.

– Совсем как мы, – отвечает она.

– Это и есть тайный смысл жизни, – говорю я. – Мы, по крайней мере, сами выбираем, как нам жить.

Мои слова звучат так претенциозно, что меня от них тошнит.

– Но реальность такова, что я не выбрала вас, а вы не выбрали меня.

Мое сердце на миг замирает. Я смотрю на нее. Я совсем не думал о том, чтобы пригласить ее к себе в отель, ведь по-моему, либидо еще ко мне не вернулось. Все это – просто недо-разумение.

Она смеется.

– Это цитата из песни. Неужели вы ее не слышали? Ну ладно, я уже устала. Может, встретимся завтра? С вами интересно общаться.

– Но как я вас найду?..

Внезапно я понимаю, что у меня нет мобильного.

– Я живу здесь. – Женщина протягивает мне визитную карточку гостиницы. – Если вам лениво туда идти, просто найдите собаку.

– Собаку?

– Вы что, не знаете? Сгодится любая дворняга. Пишете на листке бумаги время и место, где хотите встретиться, засовываете листок под ошейник. Затем проводите по ошейнику карточкой отеля.

– Вы шутите?

– Вам реально стоит почитать путеводитель по Лицзяну.

* * *

Не знаю, сколько я спал.

Мне кажется, что сейчас вечер второго дня, но положение солнца говорит, что еще утро, но не ясно – утро ли третьего дня сейчас, или четвертого, или утро, наступающее после сна, который длится всю жизнь.

Возможно, это и есть эффект полной реабилитации: ты начинаешь видеть во сне не только финансовые отчеты и жирное лицо босса.

Я ищу собаку, но у местных собак острое чутье: они чувствуют, что я неудачник, и убегают. Мне пришлось купить пакет с сушеным мясом яка. Я нахожу пса – настоящего сукиного сына – и кормлю его до тех пор, пока он не наедается до отвала. После этого он наконец соглашается доставить мое сообщение.

На тот случай, если она уже забыла меня, я ставлю подпись: «Вчерашняя рыба».

Я брожу по улицам, наслаждаюсь солнцем и бездельем. Здесь ни у кого нет ощущения времени, поэтому она может прийти, когда ей вздумается.

Я вижу сидящего в углу старика с соколом. Сокол и человек полны энергии. Я подхожу к ним с фотоаппаратом.

– Не снимать! – вопит старик.

– Пять юаней! Один доллар! – кричит сокол на смеси английского и стандартного китайского с сычуаньским акцентом.

Твою мать! Это роботы. В городе не осталось ничего аутентичного. Я раздраженно отворачиваюсь.

– Хотите узнать, почему небо в Лицзяне такое голубое? Хотите услышать легенду о Снежной горе нефритового дракона? – Увидев, что я собираюсь уйти, старик меняет и свое торговое предложение, и даже свой акцент. Теперь он говорит, словно человек из центра Сучжоу. – Про Лицзян я знаю все. Всего один юань за каждую историю.

Почему бы и нет. Я просто хочу убить время. Можно и послушать его враки.

Я засовываю монету в клюв сокола. *Щелк!* В груди птицы открывается панель, и я вижу светящуюся розовую клавиатуру. «Чтобы узнать, почему небо в Лицзяне такое голубое, нажмите «один». Чтобы послушать легенду о Снежной горе нефритового дракона, нажмите «два»...»

Хватит. Я нажимаю «1».

«В наше время в Лицзяне используется управление конденсацией, а также стандартизация коэффициента рассеяния. Благодаря технологиям мы повысили долю солнечных дней до 95,42 %. Внося микроизменения в состав частиц, которые находятся в атмосфере, мы поддерживаем цвет неба в диапазоне от «Пантон-2975с» до «Пантон-3035с». Эта система создана...»

Проклятие. Мне грустно. Даже небо, такое же прекрасное, как и в день сотворения мира, – фальшивка.

– НЛО ищите? – спрашивает женщина.

Она подходит сзади и кладет руки мне на плечи.

– Есть ли тут что-нибудь настоящее? – бормочу я.

– Есть, конечно, – вы, я. Мы – настоящие.

– По-настоящему больные, – поправляю я ее.

* * *

– Расскажите о себе. Обожаю узнавать людей поближе.

Мы снова в баре. Через окно виден канал, а в нем – рыбы; они плывут, плывут, плывут, но остаются на месте.

– Давайте поиграем, – говорит она. – Будем по очереди угадывать факты друг о друге. Если догадка верна, другой человек пьет. А если угадывающий ошибся, пьет он сам.

– Отлично. Посмотрим, кто напьется первым.

– Чур я первая. Вы работаете в большой компании, да?

– Ха. Мой босс всегда говорит: «Мы – настоящий, международный, современный, большой...» – я понижаю голос, – завод».

Женщина хихикает.

По-моему, про свою компанию я ей не рассказывал. Но я все равно выпиваю.

– Все ваши пациенты – важные персоны? – спрашиваю я.

Она выпивает.

– Вы занимаете важный пост в компании, – говорит она.

Я выпиваю.

– Спрошу что-нибудь поинтереснее, – говорю я. – Кто-то из ваших пациентов к вам приставал.

Она краснеет и пьет до дна.

– Вы, наверное, встречаетесь со многими женщинами, – говорит она.

Немного помедлив, я осушаю свою рюмку. «Встречался» – это то же, что и «встречаюсь», только в прошедшем времени», – говорю я себе.

– Вы не замужем, – говорю я.

Она улыбается, но молчит.

Пожав плечами, я выпиваю.

Только затем она берет свою рюмку и выпивает.

– Нечестно! Вы меня обманули! – восклицаю я.

Но на самом деле я доволен.

– Вы сами виноваты, что поторопились.

– Ладно, тогда я предположу, что у вас бессонница, панические атаки, аритмия, сбои в менструальном цикле...

Я знаю, что пил слишком быстро. Я знаю, что пожалею об этом, но не могу остановиться.

Женщина сердито смотрит на меня, затем выпивает.

– Ваших симптомов, какими бы они ни были, у меня нет, – добавляет она. – Моих симптомов, какими бы они ни были, нет у вас.

– Мы же оба здесь, верно?

Она качает головой.

– Вы считаете, что ничего не имеет смысла.

– Считал – до того, как я встретил вас, – говорю я, надеясь, что это прозвучит обольстительно.

Я просто потерял всякий стыд.

Она не обращает на меня внимания.

– Вы часто испытываете тревогу, ведь вам кажется, что секунды утекают, и это ощущение вы ненавидите. Каждый день мир меняется, и каждый день вы стареете. Но у вас еще столько планов. Вы хотите удержать песок в руках, но чем сильнее вы давите, тем быстрее он утекает сквозь пальцы, и в конце концов не остается ничего...

В любом другом случае ее слова были бы просто популярной психологией, псевдоинтеллектуальными изречениями, дешевой «духовностью». Но когда их произносит она, мне кажется, что все это – правда. Каждое слово вонзается мне в сердце, заставляет меня морщиться.

Я молча пью. Ее улыбка начинает размножаться: ее уже две, три, четыре... Я хочу задать ей вопрос, но язык уже меня не слушается.

Женщина выглядит смущенной.

– Вы перебрали, – шепчет она мне. – Я отведу вас домой.

Итак, я снова потерпел поражение.

* * *

Я долго не могу вспомнить, где я нахожусь.

Пока я думаю, солнце марширует мимо шести окон. Пока я смываю с себя запах алкоголя и рвоты, оно проходит мимо еще трех.

Похоже, что об этом пациенте Госпожа Медсестра не позаботилась. У меня раскалывается голова.

Я не хочу посылать за ней собаку – мысль о встрече с ней меня немного пугает. Может, она телепат? Взять телепата в отделение интенсивной терапии – это логично, да? Особенно если пациент уже не может говорить.

Самый сильный страх – то, что кто-то узнает про ваши страхи.

В комнату заходит шарпей и лает на меня. Я достаю из-под его ошейника записку.

Она хочет пойти со мной на концерт роботов, которые играют народную музыку наси. Эту музыку она называла «воплями осла, у которого отрезали яйца». Подпись: «Я не телепат».

Да пошла ты, буржуазная сука! Я пинаю шарпея. Он визжит от боли.

В конце концов любопытство берет верх над страхом. Я моюсь, одеваюсь, иду к концертному залу. Она в желтом. Я киваю ей.

Игнорируя мои попытки сохранять дистанцию, она подходит ко мне, берет меня за руку и заводит внутрь.

– Перестаньте притворяться, – шепчет она мне на ухо.

Я прилагаю все силы, чтобы скрыть от нее свое возбуждение.

Музыканты начинают играть. Звуки, которые они издают, действительно похожие на вопли осла, – настоящее оскорбление для настоящей музыки наси, которую я слышал десять лет назад.

Роботы раскачиваются взад-вперед, делают вид, что играют на инструментах, и из динамиков, встроенных в кресла, течет музыка. Роботов, очевидно, сделали в Китае: они неуклюжие, двигаются нелепо, у них ограниченный набор жестов, а мимики нет вообще. Похоже, что

только создатели робота «Сюань Кэ»⁶ проявили внимание к деталям. Он даже ведет себя так, будто музыка полностью поглотила его. Время от времени он сильно раскачивается, и я боюсь, что у него отвалится голова.

– Я думал, вам не нравится ржание ослов, – шепчу я ей.

Меня окружает ее аромат.

– Это часть нашей реабилитации.

– Ага, точно.

Я пытаюсь ее поцеловать, но она отстраняется, и мои губы натываются на ее пальцы.

– У вас в офисе на столе стоит крошечный серый будильник в виде гриба. Он часто спешит.

Она говорит спокойно, а я словно громом поражен. Этот будильник мне подарила компания, когда меня признали лучшим работником месяца. Откуда она об этом знает?

Да, в той игре с выпивкой я проиграл – но, возможно, по случайному стечению обстоятельств. Но это...

Я продолжаю смотреть на ее профиль. Музыка, похожая на ржание осла, накатывает на меня морской волной. Кажется, я тоже стал роботом-музыкантом. Я изо всех сил пытаюсь играть свою дурацкую песню обольщения, но она читает меня, как открытую книгу. В моей груди нет ничего, кроме механического железного сердца.

* * *

В конце концов мы оказываемся в одной постели.

Она ведет себя так, словно в этом нет ничего особенного. Но для меня это совсем не так. Мужчина – странное животное: за страх и желание у него отвечает один и тот же орган. В первом случае мужчина теряет контроль над органом, и тот извергает из себя мочу; во втором он теряет контроль над органом, и тот наполняется кровью.

Это тоже часть реабилитации? Я мог бы сказать ей это, подшутить над ней, но я молчу, потому что боюсь услышать ответ.

– Кто вы на самом деле? – спрашиваю я, не в силах больше сдерживаться.

Ее голос звучит приглушенно, неразборчиво.

– Я медсестра. Мой пациент – время.

В конце концов она рассказывает мне все.

Она работает в некоем «Отделении по управлению временем». Туда попадают только самые важные персоны делового мира.

Старики похожи на мумии, их тела утыканы трубками и проводами. Они нуждаются в круглосуточном наблюдении и уходе. Каждый день их навещают самые разные люди: надев стерильные биокостюмы, посетители стоят рядом с кроватями, общаются со стариками, приносят отчеты и получают инструкции.

Старики никогда не двигаются. Каждый их вдох длится несколько часов. Время от времени один из них стонет, словно младенец, и кто-то этот стон записывает. Если посмотреть на их биологические параметры, можно прийти к выводу, что все они уже умерли, ведь числа на аппаратах не меняются. Но старики остаются в этом заведении в течение многих лет, десятилетий.

Женщина говорит, что у них особая терапия – «растяжение чувства времени». Стариков она называет «живыми мертвецами».

Эта терапия началась двадцать с лишним лет назад. В то время ученые открыли, что, управляя биологическими часами организма, можно снизить производство свободных ради-

⁶ Сюань Кэ – знаменитый музыкант и музыковед-наси.

калов и тем самым замедлить старение. Но разрушение и смерть мозга невозможно ни обратить вспять, ни остановить.

Затем кто-то совершил еще одно открытие: оказалось, что старение мозга тесно связано с ощущением времени. Манипулируя с определенными рецепторами шишковидного тела, ученые смогли изменить ощущение времени, сделать так, чтобы человеку казалось, будто ход времени замедлился. Тело человека, который подвергается этой терапии, остается в обычном потоке времени, но в его сознании оно замедляется в сто, в тысячу раз.

– Но какое отношение это имеет к вам? – спрашиваю я.

– Вы знаете, что у женщин, которые живут вместе, синхронизируются биологические ритмы – например, менструальный цикл?

Я киваю.

– С нами, медсестрами, которые ухаживают за живыми мертвецами, каждый день происходит то же самое. Поэтому раз в год я приезжаю в Лицзян на реабилитацию, чтобы устранить эффекты, которые растяжение ощущения времени оказывает на мой организм.

У меня кружится голова. Этим старикам замедляют время, чтобы поддержать курс акций или отложить борьбу за власть среди преемников. Но как подобное растяжение воздействует на обычного человека?

Я пытаюсь представить себе, что за секунду проживаю сто лет, но мое воображение на это не способно. Чтобы время практически превратилось в бесконечность, его нужно замедлить почти до нуля. Но разве тогда мозг не станет бессмертным? И зачем тогда ему тело из плоти и крови?

– Помните, что я вам сказала? Я не выбрала вас, а вы не выбрали меня, – говорит женщина и улыбается, словно извиняясь.

Во мне снова вспыхивает тревога. Мне кажется, словно я пытаюсь удержать песок, утекающий между пальцами.

– Вы – моя вторая половина. Нас расколола надвое молния Зевса.

Ее слова звучат как проклятие.

* * *

Она уезжает.

Она говорит, что ее период реабилитации закончился.

Мы сидим в темноте. Перед нами – огромная Заснеженная гора нефритового дракона. Серебристый лунный свет отражается от ее покрытых снегом вершин.

Мы молчим.

В моей голове играет музыка, похожая на вопли осла.

– Помните тот будильник на вашем столе? – спрашивает она.

Расширение времени стоит очень дорого, а вот обратная процедура – сжатие времени – совсем дешево, так дешево, что ее выводят на массовый рынок. Несколько крупных конгломератов вложили средства в развитие этой технологии. Более того, воспользовавшись определенными лазейками в китайских законах о труде (и негласной помощью со стороны правительства), они начали втайне проводить испытания над китайцами, которые работают в международных компаниях.

Тот будильник – экспериментальный образец компрессора времени.

– Значит, все мы – подопытные крысы.

Я вспоминаю, как шутил над собой, услышав ее откровения. Даже мой босс – крыса; у него на столе тоже стоит такой будильник.

– Знаете ли вы правду или нет, не важно, – говорит она. – Теоретической базы для сжатия времени не существует.

– Не существует?

– Теоретическая физика утверждает, что это невозможно, поэтому им пришлось взять за основу философию Анри Бергсона. Все связано с интуицией.

– Вы о чем?

– Не знаю. – Женщина смеется. – Возможно, все это чушь.

– Вы хотите сказать, что мое заболевание, это ПНФР II, или как там оно называется, вызвано сжатием ощущения времени?

Она не отвечает.

Но это логично. В моем сознании время идет быстрее, чем в реальном мире, и поэтому я каждый день чувствую себя измотанным. Я всегда работаю сверхурочно и за сутки делаю гораздо больше, чем остальные. Неудивительно, что компания считает меня примерным работником.

Облака наплывают, закрывают собой луну, и все вокруг темнеет, словно в театре перед началом спектакля.

Ярко-красный луч лазера опускается на заснеженные скалы – они, находящиеся на высоте в 5600 метров над уровнем моря, теперь становятся огромным экраном. Лазер создает двигающиеся узоры, рисует анимированную картину создания мира. Миф, выхолощенный на потеху массам. Я не в том настроении, чтобы наслаждаться им. Танцующие огни просто заставляют мое сердце биться с переборами.

Сжатие времени – восхитительное средство, если нужно повысить производительность и ВВП, но у него много побочных эффектов: несовпадение между субъективным и физическим временем создает проблемы с обменом веществ, которые накапливаются, вызывая тяжелые симптомы.

Конгломераты, которые вложили средства в развитие данной технологии, создали в Китае центры лечения работников, а парламент под их давлением закрепил в законодательстве идею «реабилитации» – и тем самым скрыл истину.

Ученые обнаружили удивительный феномен: те, кто страдает от эффектов сжатия и растяжения времени, могут стать друг для друга лекарством.

– Значит, я – ян, а вы – инь?

То есть я интересен ей лишь до тех пор, пока она нуждается во мне, как в медицинском устройстве. Мое эго мужчины среднего возраста задето.

– Если хотите мыслить в таких категориях, то да, – отвечает она.

По крайней мере, в ее голосе слышится сострадание.

– А как же ослиная музыка?

– Она гармонизирует наши биоритмы.

Я хочу, чтобы она похвалила меня, сказала, что я более симпатичный и интересный, чем ее другие партнеры по реабилитации, что я особенный и так далее. Но ничего подобного она не говорит.

– А собаки? – спрашиваю я, чувствуя, что темы для разговора уже заканчиваются.

– Изначально они были обычными, с такими пациентами, как мы, строение их мозга изменилось.

– У меня осталось только одно, последнее желание. – Я смотрю в ее яркие глаза; во тьме они похожи на светлячков. – Пойдемте, понаблюдаем за рыбами в канале. Быть может, они – единственные существа в мире, кто живет по-настоящему.

Светлячки вспыхивают. Она нежно касается моего лица.

– На самом деле...

Я прикладываю пальцы к ее губам, качая головой. Это успех. Ей не нужно ничего говорить: я и так понимаю, что она хочет сказать три самых тяжелых слова в мире.

Но она осторожно отводит мою руку в сторону и произносит три слова, три других слова.

– Не валяйте дурака.

* * *

Я в одиночестве сижу у канала и смотрю на рыб.

Она уехала, не оставив контактов. Песчинки колют мою ладонь. Как бы сильно я их ни стискивал, они утекают прочь.

Рыбы, о рыбы, только вы готовы составить мне компанию.

Внезапно я ощущаю мощный прилив зависти к рыбам. Их жизнь такая простая, такая чистая, в ней есть только одно направление – против течения. Им не нужно задумываться, не нужно разбираться с бесконечным множеством возможных решений. Но если бы я жил так, как они, то, вероятно, все равно бы жаловался. Человек никогда не доволен тем, что у него есть.

Внезапно у меня появляется желание плюнуть в себя – за любовь к себе, жалость к себе, увлечение собой, за я-мне-мое. Но в итоге я ничего не делаю.

Я смотрю на одну рыбу: поток выталкивает ее из стайки – один раз, второй, третий. Она отстает, но затем, бешено размахивая хвостом, возвращается на свое место.

Твою мать. Жизнь – тяжелая штука.

Но погодите.

Почему это всегда одна и та же рыба? Почему ее траектория и движения всегда те же самые?

Я жду, не мигая.

Две минуты спустя та же самая рыбка снова отплывает прочь от стайки, снова яростно бьет хвостом, снова возвращается на свое место.

Я беру камень.

Он пролетает сквозь голографическую рыбу и падает на дно канала.

В моей руке не осталось ничего, даже песчинки.

* * *

Моя реабилитация завершена. Я лечу обратно – с не таким уж здоровым разумом и не таким уж счастливым телом. Самолет еще не взлетел, но часть пассажиров уже храпит.

По крайней мере, хоть кто-то полностью восстановился.

Я думаю о том, как вернусь в бетонные джунгли и продолжу борьбу с конкурентами, также сжимающими время, и внезапно эта мысль вызывает у меня отвращение.

Самолет взлетает. Все: города, дороги, горы, реки – превращается в маленькую шахматную доску с частично окрашенными клетками. В каждой клетке время течет быстрее или медленнее. Люди внизу сбиваются в толпу, словно муравьи в муравейнике, которым управляет невидимая рука; они делятся на несколько групп, втискиваются в несколько клеток; время пролетает мимо рабочего, бедняка, жителя «третьего мира»; время ползет для богатей, для бездельников, для «развитых стран»; время замирает для руководителей, идолов, богов...

Вдруг передо мной появляются две пухлые детские руки. В сжатых кулачках – весь мир.
– Левый или правый?

Я смотрю на левый кулак, затем на правый. Я напуган. У меня нет ориентиров, которые позволят сделать выбор.

Я слышу издевательский смех.

Резко наклонившись вперед, я хватаю оба кулака и с усилием разжимаю их. Оба пусты, оба – ложь.

– Господин, господин!

Меня разбудила симпатичная стюардесса. Я наконец вспоминаю, откуда у меня этот сон. В детстве надо мной издевался двоюродный брат – отнимал у меня конфету, а затем заставлял угадывать, в какой она руке. Он обожал эту игру, потому что я всегда медлил, мне всегда было сложно сделать выбор.

– Господин, вы хотите газировку, кофе, чай, или что-то еще?

– Вас.

Она краснеет.

Я улыбаюсь ей.

– Просто кофе, черный.

Это – единственный выбор, который у меня остался.

Цветок Шацзуй

Лето в Шэньчженьском заливе длится десять месяцев. Мангровые болота окружают залив, словно свернувшаяся кровь. Год за годом они усыхают и гниют, словно ночь цвета ржавчины, скрывающая множество преступлений.

К востоку от мангровых зарослей и к северу от порта Хуанган, между Шэньчжэнем и Гонконгом находится деревня Шацзуй, в которой я остановился.

Я прячусь здесь уже полгода. Субтропическое солнце жарит сурово, но за последнее время я стал даже бледнее, чем раньше. Пять деревень – Шацзуй, Шатоу, Шавэй, Шанша и Сяша – или, буквально, «Песчаный рот», «Песчаная голова», «Песчаный хвост», «Верхний песок» и «Нижний песок» – образуют большие и плотные бетонные джунгли в самом сердце района Футянь. Названия деревень создают ощущение того, что ты находишься в пасти огромного мифического монстра по имени «Песок», который все еще жив, несмотря на то что ему отрубили голову.

Старшая сестра Шень говорит, что раньше здесь была сонная рыбацкая деревушка. Но когда правительство решило провести экономические реформы, когда Китай открыли для западных инвестиций, началась урбанизация, и повсюду появились стройплощадки. Чтобы увеличить размер компенсации за национализированную землю, жители деревни бросились строить на своих участках высокие башни, тем самым максимально увеличивая площадь жилых помещений. Но получить прибыль они не успели: цены на недвижимость взлетели так высоко, что в бюджете правительства уже не хватало средств для выплаты компенсаций. Наспех возведенные здания стоят здесь по сей день, словно древние руины, свидетели истории.

– Каждые три дня жители деревни строили новый этаж, – говорит сестра Шень. – Вот это называется «скорость особой экономической зоны».

Я представляю себе, как эти здания растут – быстро, словно раковые клетки, – и обретают окончательную форму. В них всегда темно: расстояние между зданиями такое маленькое, что их жители могли бы пожать друг другу руки через окно. Между домами в полном беспорядке протянулись узкие переулки, похожие на капилляры. Все пропитано запахами гнили и разложения. Так как арендная плата низкая, здесь можно встретить всевозможных мигрантов, рвущихся к своей мечте – жизни с высокой зарплатой, с высоким разрешением, к жизни в стиле «хай-тек», в стиле «хай-Шэньчжэнь».

Но я предпочитаю более низкий уровень. На нем я чувствую себя в безопасности.

Старшая сестра Шень – хороший человек. Она родом с северо-востока. Много лет назад она купила это у семьи местных, которые собирались за рубеж, и теперь она живет счастливой жизнью домовладелицы. Квартирная плата растет ежедневно, и состояние Старшей сестры Шень, должно быть, уже составляет десятки миллионов, но она по-прежнему живет здесь. Она разрешила мне поселиться у нее, несмотря на то что у меня не было удостоверения личности. Она выделила мне киоск, чтобы я мог заниматься своим ремеслом, и даже подготовила для меня поддельный файл – на тот случай, если сюда нагрянет полиция. Она никогда не спрашивает меня о прошлом. Я благодарен Старшей сестре Шень за это и, когда могу, оказываю ей услуги.

В своем киоске, расположенном у входа в магазин традиционных китайских лекарств, я торгую пленками для тела и взломанными программами дополненной реальности. Пленки прикрепляют к коже, и на ней, в ответ на поступающие от тела электрические сигналы, появляются слова или изображения. В Америке эту технологию используют для диагностики и мониторинга физиологических параметров пациента. Но здесь она стала частью уличной культуры, символом статуса. Рабочие, гангстеры и проститутки любят клеить такую пленку на видном месте – или, наоборот, на скрытой части тела, чтобы после сокращения мышц или изменения

температуры тела на пленке появлялись картинки, свидетельствующие о личных качествах владельца, его смелости и сексуальной привлекательности.

* * *

Я все еще помню тот день, когда впервые заговорил со Снежным Лотосом.

Снежный Лотос родом из влажных субтропиков Хунаня, но решила назвать себя в честь горного цветка. Даже ночью ее бледная кожа сияет, словно фарфор. Она – «домашний феникс», проститутка, работающая у себя на дому, и многие считают ее самым знаменитым «домашним фениксом» деревни Шацзуй. Я часто вижу, как гуляет под руку с очередным клиентом; она всегда невозмутима и не дает ни малейшего повода заподозрить, что она участвует в чем-то мерзком. Напротив, она излучает такое очарование, что от нее невозможно отвести взгляд.

В деревне Шацзуй живут тысячи проституток, работающих по самым разным расценкам. Они обеспечивают мужчин Шэньчжэня и Гонконга дешевыми сексуальными услугами. Их тела – словно рай, где усталые, грязные, хрупкие мужские души могут найти временное пристанище. А может, они – таблетка-плацебо, благодаря которой мужчины получают миг радости и восстанавливают душевное равновесие, чтобы вернуться на поле боя – в реальную жизнь.

Снежный Лотос не похожа на остальных. Она дружит со Старшей сестрой Шень и часто заглядывает в магазин, торгующий традиционными китайскими лекарствами. Каждый раз, когда она проходит мимо моей будки, до меня долетает аромат ее духов, от которого замирает сердце. Я стараюсь не следить за ней взглядом, но у меня никогда это не получается.

В тот день Снежный Лотос подошла ко мне сзади и легко похлопала по плечу.

– Поможешь мне починить пленку? Она не загорается, – сказала Снежный Лотос.

– Могу глянуть, – ответил я, с трудом пытаюсь сдержать нарастающую панику.

– Следуй за мной, – шепнула она.

Темная лестница была узкая, словно кишка. Ее квартира оказалась совсем не такой, какой я ее представлял. Она была светло-желтой, ее украшало множество вещиц, создававших ощущение тепла и уюта. В ней даже был балкон, с которого можно увидеть небо. В Шацзуй это – настоящая роскошь.

Снежный Лотос привела меня в спальню и, повернувшись ко мне спиной, спустила джинсы до колен. Я увидел ослепительно-белые бедра и черные кружевные трусики.

Я с трудом сглотнул, пытаюсь смочить пересохшее горло.

Изящный палец Снежного Лотоса указал на ее трусики. Я все еще не был готов. Мои руки и ноги похолодели от страха.

– Не зажигается, – сказала она.

Трусики она не сняла, а просто показала на восьмиугольный кусок пленки с изображением восьми триграмм, прилепленный прямо над ее копчиком.

Я скрыл разочарование и с помощью инструментов провел диагностику пленки, делая все, чтобы не обращать внимания на гладкую, шелковистую кожу Снежного Лотоса. Затем я изменил кривую ответа на изменение температуры на датчике конденсатора.

– Теперь должно работать. Попробуй, – сказал я и наконец-то выдохнул.

– И как я это попробую? – насмешливо спросила она и повернулась, чтобы посмотреть на меня.

Ни один мужчина-натурал не устоял бы перед этим взглядом, но в тот момент я чувствовал себя оскорбленным. Она обращалась со мной как просто с еще одним клиентом – с человеком, который дал ей денег за право пользоваться ее телом. Или, может, она думала таким способом оплатить мои услуги? Я злился, словно ребенок, но не знал, откуда во мне эта злость. Не говоря ни слова, я достал нагревающую панель и поднес к талии Снежного Лотоса.

Через полминуты в символе инь-ян, расположенном среди триграмм, вспыхнул голубой символ «восток».

– Восток? – недоуменно спросил я.

– Так зовут моего мужика.

Снежный Лотос снова выглядела спокойной и собранной. Она подтянула джинсы, повернулась и увидела мое лицо.

– Думаешь, у проститутки не должно быть мужчины, которого она может назвать своим?..

Я приклеила туда пленку, потому что мой мужик любит трахать меня сзади. Пусть все клиенты знают, что не все можно купить за деньги. – Она закурила. – А, да... Сколько я тебе должна?

Внезапно я почему-то почувствовал облегчение.

* * *

Человек по имени Восток – муж Снежного Лотоса, а также ее сутенер. У него свой бизнес: он ездит между Шэньчжэнем и Гонконгом, возит контрабандные цифровые устройства. По слухам, он – игроман, и проигрывает за карточным столом большую часть заработков Снежного Лотоса. Иногда он даже заставляет ее обслуживать пожилых клиентов из Гонконга, у которых... особые желания. Но она все равно носит его имя на своей пояснице в знак того, что принадлежит ему.

Это – такое клише, что у меня в памяти сразу всплывает целая куча старых гонконгских фильмов про гангстеров. Однако это не кино, а просто повседневная жизнь в Шацзуй.

Снежный Лотос несчастна. Вот почему она часто приходит к Старшей сестре Шень за помощью.

Старшая сестра Шень, как и многие жители Шацзуй, работает на нескольких работах. Она в том числе шаманка.

Старшая сестра Шень утверждает, что она – маньчжурка, и ее предки были шаманами, и от них она унаследовала волшебные силы, а также способность разговаривать с духами и предсказывать будущее.

Однажды она немного выпила, и ей захотелось поболтать. Тогда она рассказала мне про огромные пустыни на далеком Севере, где дыхание человека превращается в лед, Там ее предки когда-то проводили магические ритуалы: надевали жуткие маски, плясали посреди метели, били в барабаны, пели и молились о том, чтобы духи завладели их телами. Хотя у нас был жаркий день, и температура держалась на уровне сорока градусов по Цельсию, все, кто слышал эту историю, дрожали от холода.

Но Старшая сестра Шень никогда не выпускает меня в комнату, где она занимается магией. Она говорит, что мне ничего не нужно, и поэтому мое сердце не является чистым. По ее словам, я нарушу атмосферу, которая нужна духам.

К ней течет бесконечный поток клиентов. Все они говорят, что она действительно обладает силой – один взгляд, и она уже все про тебя знает. Я видел людей, которые выходили из ее комнаты после сеансов магии: у них мечтательный, удовлетворенный взгляд.

Этот взгляд я видел много раз – у молодых женщин с сумочками «Луи Витон Спиди», у богатых горожан, которые ищут прекрасных женщин в баре «V», у политиков, которые каждый день в шесть тридцать появляются в программе новостей на местном телеканале. У всех них одно и то же выражение лица, очень шэньчжэньское.

Они очень похожи на лохов, которые каждый день приезжают в Шацзуй. Они приходят в магазин китайских лекарств за супермощными афродизиаками и выходят оттуда, уверенно улыбаясь. Но я знаю, что афродизиаки не содержат в себе ничего, кроме клетчатки, и не вызывает никаких эффектов – только нормализует стул.

В этом городе всем нужно плацебо.

* * *

Снежный Лотос снова и снова навещает Старшую сестру Шень. Каждый раз она уходит, словно достигнув просветления, но вскоре опять возвращается, и лицо ее печально. Я могу представить себе, какая тяжелая у нее жизнь, но мне хочется узнать о ней больше. У меня есть много технических способов удовлетворить свое любопытство, но для того, чтобы применить их, мне нужно проникнуть в комнату Старшей сестры Шень. А для этого я должен стать ее учеником.

– Мне нужна помощь духов, – искренне говорю я Старшей сестре Шень.

– Заходи.

Старшая сестра Шень видела бесчисленное множество мужчин, и лжеца она распознает за милю.

Ее комната небольшая и тусклая. На стене висят картины, изображающие духов; они написаны хаотичными мазками – вероятно, под влиянием наркотиков. Старшая сестра Шень сидит перед квадратным алтарем, накрытым красной фланелью. На алтаре лежит маска, барабан, на который натянута коровья кожа, колотушка, бронзовое зеркало, бронзовый колокол и другие инструменты для проведения ритуала. Электронная молитвенная машина начинает читать сутры. Старшая сестра Шень надевает маску, и через жуткие глазницы я вижу в ее глазах древний, чужой свет.

– Великий дух слушает, – говорит она.

У нее низкий, хриплый голос, наполненный неоспоримым чувством собственного достоинства.

Я не могу сопротивляться ее силе. В самом темном уголке моей памяти хранится одна история. Она лежит под замком, но никогда не переставала меня мучить. Грех похож на вино: чем дальше он лежит вдали от солнечного света, тем больше он бродит, тем сильнее становится.

Внезапно я прихожу в себя. Подсознание сыграло со мной злую шутку. Не интерес к Снежному Лотосу заставил меня зайти в эту комнату, а скрытое желание освободиться от давления, сбросить с себя бремя.

– Я был по ту сторону Забора. Я инженер, – говорю я, пытаюсь унять дрожь в голосе.

* * *

Я был по ту сторону Забора. Я инженер.

В 1983 году, еще до того, как я родился, Шэньчжэнь разделила стена из колючей проволоки длиной 84,6 километра и высотой 2,8 метра. Внутри Забора находится 327,5 квадратных километра Особой экономической зоны; снаружи – пустоши площадью 1600 квадратных километров. Говорят, что стену построили, чтобы облегчить работу пропускного пункта на границе между Гонконгом и Шэньчжэнем. До 1997 года Гонконгом управляла Великобритания, и в то время много людей незаконно пересекали границу.

На самом деле Берлинская стена так и не рухнула.

Забор и его девять контрольно-пропускных пунктов разделили не только людей и транспорт, но также разные системы законов, соцуобеспечения, налоговых льгот, инфраструктуру и национальную принадлежность. Зона с внешней стороны Забора стала «любовницей» Шэньчжэня. Благодаря своей близости к Особой экономической зоне и наличию огромных участков незастроенной земли, она привлекала к себе много предприятий с большой трудоемкостью, но низкой добавочной стоимостью производства. Но жителям Шэньчжэня территории «за Забором» всегда казались пустыней из голливудских вестернов – бедным, отсталым краем,

где постоянно идет дорожный ремонт, где все едут на красный, где свирепствует преступность и где полиция бессильна.

Но история постоянно удивляет нас повторяемостью событий. У Шэньчжэня тоже была своя версия «покорения Запада».

В 2014 году правительство наконец решило снести Забор, но эти планы столкнулись с беспрецедентным сопротивлением. Шэньчжэньцы, жившие внутри зоны, отгороженной Забором, считали, что к ним хлынет поток мигрантов, которые увеличат уровень преступности. Но те, кто жил снаружи, тоже возражали против сноса Забора, и даже сильнее. Они были убеждены, что шэньчжэньцы бросили их на произвол судьбы, пока Особая экономическая зона росла, а сейчас, когда развитие уткнулось в стену из-за нехватки пространства, у них отнимут единственный ресурс – землю. Если шэньчжэньцев не остановить, повышение цен на продукты и жилье заставит малоимущих покинуть свои дома. Юноши из числа местных жителей даже одевались в костюмы индейцев и привязывали себя к Забору, чтобы помешать его сносу.

Я работал на заводе, который производил электронику, и его тоже коснулись перемены. Каждый год мы поставляли в Европу, Америку и Японию компоненты для оборудования, создающего виртуальную реальность. Именно они обеспечивали нас твердой валютой. В то же время наша маржа постоянно уменьшалась из-за падения курса доллара к юаню. Если стоимость аренды и заработная плата вырастут, от прибыли ничего не останется. На общем собрании владелец предприятия объявил, что все мы должны быть готовы к сокращениям.

Я был инженером и занимался литейными формами. Мне захотелось сделать что-нибудь, заработать как можно больше денег, прежде чем меня уволят. Об этом думали и все остальные.

Клиенты снабжали нас экспериментальными образцами еще не выпущенных товаров, чтобы мы могли создать формы до начала промышленного производства. В соответствии со строгими соглашениями о неразглашении информации и нормами безопасности, в образцы были встроены чипы, которые отправляли сигналы на частоте 433 мегагерц и благодаря запатентованному протоколу передачи данных общались с приемниками. Если в любой момент времени образец покидал выделенную для него зону, срабатывала сигнализация. После этого образец нужно было вернуть на место в течение трехсот секунд, иначе машина активировала механизм самоуничтожения. Конечно, если бы это произошло, завод лишился бы репутации на международном рынке; клиенты внесли бы его в «черный список» и перестали бы с ним работать.

В дельте Жемчужной реки хватало опытных и хитроумных покупателей, которые предлагали огромные деньги за эти экспериментальные образцы, – ведь тот, кому удавалось бы раздобыть и скопировать подобный образец, мог рассчитывать на десятки миллионов чистой прибыли. В те времена жуликам разбогатеть было гораздо проще, чем честным производителям.

У меня было все – покупатель, цена, способ доставить товар и маршрут отхода. Но мне еще требовался помощник – тот, кто отвлечет внимание толпы и направит охрану по ложному следу. Я решил, что для этого лучше всего подойдет мой земляк Чень Гань.

Чень Ганя я понимал. Чень Гань был застенчивым молодым человеком. Его жена только что родила ему вторую дочку, и он беспокоился, хватит ли ему денег, чтобы оплатить обучение первой дочери в начальной школе. Он, мигрант, не мог зарегистрировать свою семью в Шэньчжэне, и ему приходилось платить за обучение дочери больше, чем местным. Если он останется без денег, ему придется отправить дочь в плохую школу для детей мигрантов. Он часто доставал фотографию своей дочки и говорил, что не хочет, чтобы она повторила его судьбу. Я прекрасно его понимал.

Я положил деньги ему на счет – не слишком много, ровно столько, чтобы он мог заплатить за школу.

Какой довод покажется китайцу более убедительным, чем «ради моего ребенка»?

В назначенное время рядом со зданием, в котором я работал, включились громкоговорители. Я понял, что Чень Гань уже начал играть свою роль. Встав посреди двора, он облил себя бензином, и заявил, что подожжет себя, если владелец завода не выдаст ему большое выходное пособие. Встревоженные охранники бросились на двор с огнетушителями в руках, и никто не обратил внимания на то, как я поднялся на крышу по пожарной лестнице, прижимая к груди экспериментальный образец.

Я был одним из пяти работников предприятия, которые имели право прикасаться к образцу. Воспользовавшись служебным положением, я несколько раз изучил механизм срабатывания сигнализации. Журналы, похоже, фиксировали только широту и долготу точки, в которой находится устройство, но не ее высоту. Эта «дыра» позволила мне создать эффективный метод доставки товара покупателю.

На крыше дул холодный, сильный ветер, словно перед дождем. Почти все работники завода собрались во дворе, чтобы посмотреть, чем закончится драма с самосожжением. Если владелец уступит требованиям Чень Ганя, завтра его будут ждать сотни людей, облитые бензином.

Но владельца я знал уже три года. Он был из тех, кто посоветует Чень Ганю щелкнуть зажигалкой, а затем прикурит от дымящейся кучки пепла.

Жужжа, откуда-то издалека прилетел похожий на стрекозу вертолет-беспилотник и опустился на крышу. Следуя инструкции, я привязал образец к его брюху, и вертолет начал неуверенно взлетать. Я с тревогой наблюдал за хрупкой машиной, от которой зависела жизнь двух людей – а, может, и не только их.

Максимальная дистанция связи между чипом и приемником составляла около шестидесяти футов. Подняв образец на крышу, я уже почти превысил этот лимит.

Вертолет завис в воздухе, словно ожидая новых распоряжений. Я не знал, как покупатели собираются разбираться с механизмом самоуничтожения; не знал я и то, будут ли они взламывать протокол связи и отправлять ложный сигнал, чтобы обмануть устройство. Повлиять на происходящее я уже не мог.

Мне вдруг показалось, что вертолет никогда не улетит, но в конце концов он оторвался от крыши и исчез в сером небе.

Я спокойно спустился на лифте, протиснулся через толпу зевак и убедился в том, что Чень Гань меня увидел. Он едва заметно кивнул, застенчиво улыбнулся и выбросил зажигалку.

Охранники тут же накинулись на него и повалили на землю.

Я решил, что мне пора уходить.

Я сел на междугородний автобус, который ехал в Дунгуань. Но не успел водитель запустить двигатель, как мой мобильник настойчиво завибрировал. Я знал, что у меня мало времени, но не ожидал, что меня так быстро раскроют.

Возможно, я попал в поле зрения камер, а может, меня выдал Чень Гань. Меня это уже не волновало. Я просто хотел, чтобы у него все было хорошо, чтобы он дожил до того дня, когда его дочь пойдет в школу.

Выбросив телефон, я вышел из автобуса и сел на другой, который ехал в противоположном направлении – в глубь зоны за Забором, в Шэньчжэнь. Инстинктивно я понял, что это направление менее опасно.

Вот так я оказался в деревне Шацзуй.

Полгода я всеми способами пытался разузнать о судьбе Чень Ганя, но так ничего и не выяснил. Мне казалось, что я достаточно безразличен – безразличен настолько, что могу даже отбросить свою бесполезную совесть. Но я часто просыпался посреди ночи от удущья. В моих снах Чень Гань, застенчиво улыбаясь, сгорал, превращался в пепел. Иногда я даже видел во сне его дочерей – они, плача, сгорали вместе с ним.

Я знал, что больше не могу прятаться от самого себя.

* * *

– Пожалуйста, скажи, что у него все хорошо.

Мое лицо залито слезами, но я не помню, чтобы я плакал.

Деревянная маска шамана сурово смотрит на меня; от ее поверхности отражается оранжевый свет. Через отверстия я вижу странный блеск в глазах Старшей сестры Шень: синий свет, вспыхивающий с высокой частотой.

Внезапно до меня доходит. Черт побери, эта маска – всего лишь искусно сделанная маскировка для очков дополненной реальности.

Все это время я думал, что Старшая сестра Шень – просто мошенница, которая притворяется медиумом и тянет деньги из клиентов, рассказывая им то, что они хотят услышать. Но она действительно обладает силой. У нее наверняка уровень привилегий ПА или даже выше, и поэтому она может получить доступ к частному досье человека, которого идентифицирует по чертам лица.

Но даже если это правда, то как она за такое короткое время вылавливает из потока полезную информацию без помощи профессиональных аналитических программ? Это все равно что искать иголку в море. Думаю, тут все дело в ее шаманских генах. Возможно, она похожа на Дастина Хоффмана в «Человеке дождя», который мог с одного взгляда сказать, сколько спичек в коробке.

Огни в глазницах начинают мигать быстрее. У меня учащается пульс.

– У него все хорошо.

В моем сердце снова вспыхивает надежда.

– Там, по крайней мере, он не беспокоится насчет денег. – Старшая сестра Шень указывает на небо и добавляет: – Мои соболезнования.

Я делаю глубокий вдох. Да, я ожидал этого, но теперь, когда мой страх стал реальностью, я все равно чувствую абсолютную беспомощность. Весь мир стал нечетким, и ни на что уже нельзя положиться.

Искупить свою вину я могу только одним способом – даже если он и не утешит мою совесть.

– Я хочу узнать номер банковского счета семьи Чень Ганя.

Когда-то моим плацебо были деньги. Теперь они мне уже не нужны.

* * *

Когда я выхожу из комнаты Старшей сестры Чень, на улице уже стемнело. Я смотрю на Шацзуй; повсюду светятся окна. Люди снуют повсюду, создавая атмосферу надежды. Но мое сердце – словно стоячий пруд с мертвой водой. Я разжимаю кулак. Пустота.

Подсознание снова меня обмануло. Я действительно установил «жучок» под алтарем. Мне казалось, что я пришел туда ради Чень Ганя, но в конце концов я не смог забыть про Снежный Лотос.

Я улыбаюсь. Это улыбка в стиле Шэньчжэня.

* * *

Снежный Лотос скверно выглядит.

Она бледна. На ней огромные темные очки, закрывающие глаза и пол-лица. Ни с кем не заговаривая, она идет прямо в комнату Старшей сестры Шень.

Я надеваю гарнитуру и включаю приемник. Сначала слышны только помехи, но потом до меня доносится звук электронной молитвенной машины.

– Он снова меня ударил. – В голосе Снежного Лотоса слышны слезы. – Он сказал, что я принимаю мало клиентов. Ему нужно больше денег.

– Это – твой выбор, – спокойно отвечает Старшая сестра Шень, словно слышит эти слова не в первый раз.

– Нужно было уехать с тем бизнесменом из Гонконга.

– Но уйти от него ты не хочешь.

– Я с ним уже десять лет! Десять лет! Раньше я была просто глупой девочкой, а теперь...

Теперь я просто дешевая шлюха!

– Ты хочешь прожить так еще десять лет?

– Старшая сестра... Я беременна.

Старшая сестра Шень ненадолго умолкает.

– Это его ребенок?

– Да.

– Тогда скажи ему. Ты беременна от него. Ты больше не можешь быть шлюхой.

– Он потребует, чтобы я сделала аборт. Это уже не первый раз. Старшая сестра, я старею.

Я хочу оставить ребенка.

– Тогда оставь.

– Он меня убьет. Он точно меня убьет.

– Не убьет, – говорю я.

Слышать свой голос, который одновременно и летит по воздуху, и доносится из гарнитуры – странное ощущение. Я стою у двери комнаты. Удивленная Снежный Лотос поворачивается ко мне. Ее лицо гладкое, словно фарфоровое – если не считать распухшего, подбитого правого глаза. Я так крепко сжал кулаки, что ногти прокалывают кожу.

* * *

Вот мой план. Хотя он и идет вразрез с моей изначальной целью, я должен признать, что именно у него больше всего шансов на успех.

Ее муж пристрастился к азартным играм, и кроме того, он, как и любой другой игрок, суеверен. Нужно, чтобы в его сознании возникла связь между ребенком и удачей. *Ради моего ребенка.* Я ощущаю болезненный укол зависти.

Каждое утро Снежный Лотос должна бормотать бессмысленную последовательность чисел, словно она разговаривает во сне.

Ее одержимый муж постоянно ищет знак свыше – будь то цвет «телепузиков», или номер телефона на рекламной брошюре, – который поможет ему сделать выигрышную ставку. Затем он узнает, что Снежный Лотос называет числа лотерейного билета, который выиграл днем раньше.

Снежный Лотос скажет, что ей приснился странный сон: прекрасное облако, окрашенное во все цвета радуги, приплыло с востока и погрузилось в ее живот.

Так пройдет семь дней, а затем мы приступим к лучшей части представления.

Наконец-то я применю свои профессиональные навыки и вооружу Снежный Лотос беспроводными наушниками и контактными линзами, связанными с дополненной реальностью. Но ключевую роль сыграет черный комбинезон. На первый взгляд он похож на обычное длинное нижнее белье, но в нем находятся особые волокна, которые деформируются и затвердевают под действием электрического тока, создавая зоны с большим внутренним напряжением – настолько прочные, что остановят даже пулю.

Добавив несколько электродов и чип с передатчиком, я превращу комбинезон в дистанционно управляемый костюм марионетки. С его помощью я смогу поставить человека в любую позу.

– Почему ты мне помогаешь? – спрашивает Снежный Лотос.

Она по-прежнему думает, что мужчин интересует только ее тело.

– Хочу улучшить карму, – со смехом отвечаю я.

Старшая сестра Шень часто отвечает так своим клиентам. С помощью пульта управления я ставлю Снежный Лотос в различные соблазнительные позы.

– Без одежды я позирую еще лучше.

Наклонив голову, я делаю вид, что ничего не слышал, и продолжаю играть с управлением. Внезапно меня обнимают бледные мягкие руки; они словно теплое облако, спустившееся с неба. Спинай я слышу ее голос – он наполняет мою грудь, сердце, легкие, течет вверх по хребту в барабанные перепонки. Мне кажется, что этот голос доносится из глубины моего сердца и откуда-то издалека одновременно.

– Спасибо, – говорит Снежный Лотос.

Я хочу что-нибудь ответить, но не могу выдать из себя ни одного слова.

* * *

Старшая сестра Шень и я видим то же, что и Снежный Лотос.

Поднявшись по темной лестнице, мы оказываемся в уже знакомой светло-желтой квартире. Человек по имени Восток сидит перед телевизором и, то и дело матерясь, смотрит трансляцию скачек из Гонконга. Снежный Лотос идет на кухню, чтобы приготовить ужин.

Внезапно картинка застывает. Затем мужские руки обнимают Снежный Лотос за грудь – так же, как она обнимала меня.

– Не надо, – говорит она.

Мужчина не отвечает. Вдруг картинка начинает дрожать, теперь лицо Снежного Лотоса находится рядом с краном, ее голову опустили в раковину. Из крана течет вода; ее уровень повышается, она накрывает овощи и фрукты, прежде чем вылиться в сливное отверстие. Теперь картинка ритмично подрагивает. Мы слышим тяжелое дыхание, вздохи и стоны.

Я мог бы отключить видео и звук, но вместо этого мрачно наблюдаю за происходящим. В моей душе смесь гнева, ревности и отвращения; они медленно перемешиваются в моем желудке, постепенно превращаясь в одно-единственное чувство. Я с трудом пытаюсь представить себе, каково сейчас Снежному Лотосу. За ней наблюдают чужие люди, но она не издает ни звука.

В конце концов она облегченно вздыхает и закрывает глаза.

В полутьме размытые пятна света проникают сквозь ее веки и слегка подрагивают. На мое плечо ложится чья-то рука. Старшая сестра Шень. Она все видит и все знает.

* * *

Мы ждем до полуночи. Рядом со Снежным Лотосом раздается ровный, ритмичный храп. Я поднимаю ее левую руку, показывая, что я готов. В ответ она откашливается.

Мы начинаем «сеанс».

Я поднимаю вверх ее ноги. Затем я делаю ее торс твердым и опускаю ноги, используя их в качестве рычага, чтобы оторвать ее верхнюю часть тела от кровати. Я позволяю ее телу упасть и задираю ее ноги еще выше. Я превращаю потенциальную энергию в кинетическую и обратно, и вскоре негибкое тело Снежного Лотоса начинает вести себя, словно монета, упавшая на твердую землю. Она быстро отскакивает от постели, создавая жуткий шум.

– Твою мать! Ты чего? Сейчас же ночь!

Разбуженный человек по имени Восток нащупывает выключатель и зажигает стоящую на тумбочке лампу. Затем он со страшным шумом падает с постели на пол.

– Бл... дь! Бл... дь!

В его голосе слышен страх и шок.

Снежный Лотос продолжает прыгать по кровати. Ее тело, видимо, уже не подчиняется законам гравитации. Она – марионетка, которой управляют невидимые нити. Вверх, вниз, снова вверх. Она спрыгивает с матраса и на миг застывает в воздухе. Желтый потолок приближается, затем снова отдаляется, словно дышащая мембрана. Когда мембрана расслабляется, на границе картинки возникают бочкообразные искажения.

– Хватит.

Старшая сестра Шень прекращает устроенное мной безумие. Мы же не хотим, чтобы мужчина испугался и сбежал.

Должен признать, что управление телом Снежного Лотоса – крайне увлекательное занятие, которое как будто компенсирует мои неосознанные желания.

Амплитуда прыжков уменьшается. Снежный Лотос снова тихо лежит на кровати. Я расслабляю волокна в костюме марионетки. Теперь она развалилась на постели, словно труп.

Как мы и планировали, Снежный Лотос начинает плакать. Невнятно что-то бормоча, она пересказывает свой сон.

– Оно... оно говорит, что вознаградит нас, если мы позаботимся о нем. Оно может назвать нам номера лотереи...

– О ком «о нем»?

– О твоём ребенке.

Мужчина поднимается с пола. Его лицо похоже на деревянную маску. Он словно не может переварить избыточное количество информации. В руке у него откуда-то появляется нож для фруктов. Восток подходит к Снежному Лотосу, гладит ее живот и смотрит ей в глаза. В мягком свете лампы эта картина похожа на романтическую сцену из мыльной оперы. Сейчас он поклянется, что будет любить ребенка, а затем поцелует ее.

Внезапно его блестящие красивые глаза становятся холодными и темными, словно водоемы с черной водой.

– Врач говорит, что у меня плохая сперма. – Восток медленно проводит плоской стороной лезвия по ее животу. – Признайся, от кого этот ублюдок, и избавься от него.

– Он твой.

Снежный Лотос дышит очень быстро и, кажется, сейчас заплачет.

– Думаешь, ты Дева Мария?! Ты же просто долбаная шлюха!

Он с размаху дает ей пощечину. Картинка наклоняется. В зеркале гардероба видны два силуэта – идеальная композиция в тусклом свете.

– Он твой, – негромко повторяет Снежный Лотос.

Нож уже перед ее лицом; тонкое острое лезвие холодно поблескивает. Я уже не могу просто наблюдать. Подняв руки Снежного Лотоса, я хватаю запястье мужчины и разворачиваю нож в противоположную сторону. Ее скорость и сила стали для Востока сюрпризом, и он не знает, как реагировать.

Снежный Лотос всем телом наклоняется вперед, приближая острие ножа к груди мужа.

– Прекрати! – кричит Старшая сестра Шень.

Но это делаю не я, а Снежный Лотос. У меня даже нет возможности удержать ее.

Снежный Лотос вкладывает вес своего тела в удар. Нож протыкает кожу мужчины, пробивает мышцы, проходит между ребер и вонзается в сердце. Алая жидкость течет из раны, растекается, словно распускающийся дикий цветок. Мужчина поднимает взгляд и мрачно смотрит

куда-то мимо Снежного Лотоса, словно увидел вдали еще более жуткий мир. В конце концов его глаза тускнеют.

Картинка ненадолго замирает. Мы, потрясенные этим развитием событий, не знаем, что делать. Внезапно Снежный Лотос бросается бежать. Картинка трясется. Снежный Лотос бежит к балкону, к тому кусочку ночного неба.

На этот раз я не промахиваюсь – сдерживаю ее, не давая ей прыгнуть в пустоту. Снежный Лотос падает, разъяренно вопит и сопротивляется. В конце концов, поняв, что ее усилия ни к чему не приводят, она начинает отчаянно выть.

Смерть – лучшее плацебо.

По крайней мере, в данном случае.

* * *

Зарю в деревне Шацзуй пронзают сирены. В сопровождении полиции Старшая сестра Шень и я проходим сквозь толпу и ныряем в полицейскую машину. Снежный Лотос в наручниках сидит на заднем сиденье другой машины. Ее белые щеки попеременно освещаются то красными, то синими лучами. Она сидит, опустив голову.

Ревет автомобильный двигатель. Ее силуэт вздрагивает, превращается в размытое пятно, а затем исчезает вдали.

Я вспоминаю, как впервые заговорил со Снежным Лотосом. Мне еще о многом предстоит пожалеть.

Ся Цзя

Ся Цзя училась в Пекинском университете на факультете наук об атмосфере. Затем она поступила в программу киноведения Китайского университета коммуникаций, где защитила диплом по теме «Изучение персонажей-женщин в научно-фантастических фильмах». Позднее Ся Цзя получила докторскую степень по сравнительному литературоведению и мировой литературе в Пекинском университете, защитив диссертацию по теме «Страх и надежда в эпоху глобализации: современная китайская научная фантастика и ее культурная политика (1991–2012)». В настоящее время она преподает в университете «Сиань Цяотун».

Публиковаться она начала, еще когда была студенткой: ее произведения выходили в самых разных журналах, в том числе в «Мире научной фантастики» и «Цзючжоу фэнтези». Несколько ее рассказов получили самые престижные китайские награды в области научной фантастики – премии «Иньхэ» («Галактика») и «Синъюнь» («Туманность»). Переводы некоторых из ее произведений на английский язык опубликованы в журналах *Clarkesworld* и *Upgraded*; оба редактировал Нил Кларк. Рассказ «Парад призраков»⁷ (*A Hundred Ghosts Parade Tonight*) был особо упомянут в ходе вручения наград *Science Fiction and Fantasy Translation Awards 2013* года; редактор Рич Хортон выбрал его для антологии «Лучшие произведения года».

Ся Цзя называет свой стиль «фантастика-каша» – в противоположность вечным (и, по моему, бессмысленным) спорам о том, чем «твердая НФ» отличается от «мягкой». (Смысл этих терминов слегка отличается в представлении китайского сообщества любителей фантастики и для англоязычных читателей. В общем, «твердая НФ» для китайцев – та, в которой больше технических материалов.) Ее произведения, выбранные для данной антологии – «Парад призраков», «Лето Тунтун» и «Ночное путешествие дракона-лошади», демонстрируют весь диапазон ее стиля. Рецензент Луис Тилтон описывал «Парад призраков» как «литературную научную фантастику... в которой проза исключительного качества смешивается с мотивами научной фантастики и фэнтези, давая нам понять, что подобные различия не имеют особого значения»⁸. «Ночное путешествие дракона-лошади» – совершенно новое произведение, никогда не выходящее на английском языке.

Ся Цзя – не только писатель, но и блестящий переводчик с английского на китайский. Ее переводы, как и ее собственные сочинения, – яркие, элегантные и отточенные. Перевод моей повести «Человек, положивший конец истории», сделанный Ся Цзя, во многом лучше оригинала.

В 2014 году Ся Цзя стала первым китайцем обладателем докторской степени, который специализируется на научной фантастике. Ее научные работы, посвященные китайской фантастике, называют революционными, и результаты своих исследований она представила как в Китае, так и за рубежом. В своем критическом эссе, которое приведено в конце данной книги, Ся Цзя пытается ответить на вопрос о том, что именно делает китайскую фантастику китайской. (Научные работы она обычно публикует под именем Ван Яо, поскольку Ся Цзя – псевдоним, которым она подписывает свои художественные произведения).

Ся Цзя также кинорежиссер, актриса, художница и певица.

⁷ Рассказ «Парад призраков» не вошел в русское издание.

⁸ <http://www.locusmag.com/Reviews/2012/02/lois-tilton-reviews-short-fiction-early-february-2/>

Лето Тунтун

Мама сказала Тунтун:

– Через пару дней к нам приедет дедушка.

После смерти бабушки дедушка жил один. Мама рассказывала Тунтун, что дедушка всю жизнь служил делу революции и поэтому просто не мог сидеть сложа руки. Хотя ему уже было за восемьдесят, он все равно каждый день ходил в клинику и принимал пациентов. Но несколько дней назад, когда прошел дождь, дедушка поскользнулся по дороге домой и повредил ногу.

К счастью, его быстро доставили в больницу и наложили на ногу гипс. Он отдохнет еще немного, и тогда его выпишут.

Медленно и четко выговаривая каждое слово, мама сказала:

– Тунтун, твой дедушка старый, и у него не всегда хорошее настроение. Ты уже достаточно взрослая, и можешь быть чуткой. Дедушке сейчас несладко, так что постарайся не делать его жизнь еще более тяжелой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.